ГДЕ НЕ ПОГИБЛО СЛОВО,
ТАМ ДЕЛО ЕЩЕ НЕ ПОГИБЛО
А. И. Герцен

№ 1 (120)

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА
Издается с 15 октября 1988 года

СВОБОДНОЕ СЛОВО

Так оформлена обложка компьютерной игры "Осада Белого дома"

ПОИГРАЕМ В МАССОВЫЕ УБИЙСТВА

«Хотите помочь демократическим силам России выдержать последнюю атаку и поучаствовать в событиях тех дней? Если да, то скорей приступайте к ОСАДЕ БЕЛОГО ДОМА».

«Осада Белого дома» продолжает серию игр «Перестройка» и «Защита Белого дома». Новая игра отличается от предыдущих повышенной сложностью, реалистичным звуковым сопровождением»...

Что это — чья-то неумная шутка? Черный юмор? Ни то и ни другое. Это — реклама новой компьютерной игры «Осада Белого дома», созданной фирмой «НИКИТА» (глава — Никита Скрипкин) по свежим следам событий, еще в 1993 г. Еще не все погибшие, как мы знаем, были похоронены, когда программисты уселись сочинять эту развеселую игру. Предназначена игра для детей. Во всяком случае, в ее описании приводятся такие строки:

«Детям легко и интересно играть в такие игры».

Поскольку не каждому доступно самому ознакомиться с игрой, расскажем, какого рода развлечение предлагает нам «Никита».

Вначале на экране возникает «шапка» экстренного выпуска газеты «Коммерсантъ—Daily» от 4 октября 1993 года. Текст гласит: **«Еще вчера это было всего лишь политическим театром. Еще вчера можно было рассуждать о легитимности решений и оценивать расклад предстоящих выборов с точки зрения заторов на Тверской.**

Одна ночь, 10 часов темноты изменили все. Парламент? Спикер? Второй президент? Сегодня это называется иначе. Группа людей, которые ради торжества своих политических взглядов начали убивать. Это — не политика. Это состав преступления».

Затем на экране появляется красочное изображение Белого дома, на часах которого время начала штурма — 10 часов. На экран выезжает танк с жерлом орудия, направленным на Белый дом, и выходит какой-то солдатик. Солдатик выкрикивает команду, похожую на английское «Fire!» («Огонь!»). Танк стреляет, на здании появляется большая обгорелая дыра. Солдатик командует, и танк стреляет еще 3 раза. Последний выстрел начисто сносит здание Белого дома, после чего солдатик, очевидно, в экстазе, падает.

Затем начинается собственно игра. **«Ваш герой — боец отряда спецназа — должен освободить от боевиков здание телецентра «Останкино», потом здание мэрии и, наконец, ликвидировать огневые точки в Белом доме. Желаем Вам успешно выполнить боевое задание!»** (из описания игры).

В ходе игры героя — спецназовца в черных очках — преследуют «защитники Белого дома» с налитыми кровью глазами. Внешне они напоминают каких-то вурдалаков, трупно-синеватого или серого цвета.

Спецназовец вооружен чем-то вроде базуки и бомбами, которыми бьет «боевиков» направо и налево. У «боевиков» никакого оружия нет, но если им удается подобраться к спецназовцу вплотную, они с отвратительными воплями его пожирают. (Что, в общем, недалеко от истинного соотношения вооружений). За время игры спецназовец должен уничтожить около полутора сотен «красно-коричневых» — примерно столько, сколько и погибло людей на самом деле.

Как утверждают игроки в «Осаду Белого дома», через некоторое время они замечают, что подсознательно уже прониклись неподдельной ненавистью к «красно-коричневым». А чтобы игрок не забыл, с кем он воюет, игра перемежается кадрами видеохроники. Хроника показывает водометы, разгоняющие толпу; бегущих от пуль мирных жителей, в том числе женщин; пылающие баррикады; отдыхающих на танках бойцов возле Останкина; наконец, горящий Белый дом. В какой-то момент появляется выступающий Егор Гайдар, который должен, вероятно, вдохновить бойца на новые подвиги.

«Чтобы освобождение Белого дома прошло успешно, необходимо с помощью оружия или расстановки мин уничтожить ВСЕХ боевиков» (из описания игры).

Наконец все «боевики» успешно уничтожены. В заключение игры на экране с воплями возникает еще полусотня «красно-коричневых» с плакатами: «Мы вам еще не такое устроим!», «До скорой встречи!», «Голосуйте за нас!», «Все на выборы в Думу!».

Из этого можно заключить, что создатели игры явно планируют следующую «серию». Любопытно, между прочим, проследить по этим играм, куда развивается наше общество. Ведь игра «Перестройка», первая в серии, была вполне «травоядной». Героя, правда, преследовали зловредные «бюрократы», но убивать их еще не требовалось.

Все это, конечно, замечательно. Предприимчивость в нашем обществе растет не по дням, а по часам. Здесь мы явно опередили Запад, там еще не научились снимать золотые сливки с крови убитых сограждан. Можно гордиться: в чем-то мы снова «впереди планеты всей».

Но все-таки остается чувство какой-то неудовлетворенности. Хочется спросить — откуда эта робость, это отсутствие размаха, «Никита»? Трагедий в нашей истории было более чем достаточно — а ведь из каждой можно сочинить развеселую игру. Поскольку у «Никиты» явно не хватает фантазии, для примера предлагаю от себя парочку сценариев.

1. Игра «Раскулачивание». Герой — сотрудник ГПУ. Он тщательно обыскивает дома крестьян, взламывая стенки и тайники. Он ищет спрятанный хлеб. Крестьянина, у которого он нашел хлеб, он раскулачивает вместе с семьей. За каждого раскулаченного — мужчину, женщину или ребенка — он получает очки.

Набрав определенное количество очков, игрок может объявить в деревне «голод» (все население вымирает), а игрок за всех получает очки. Газета сообщает о награждении его орденом.

Но чрезмерно увлекаться «голодом» не следует, иначе газета может неожиданно сообщить, что «Партия сурово осудила перегибы в колхозном движении», и герою придется начинать все сначала.

2. Игра «Смерть врагам народа!». Похожа на предыдущую, только теперь чекист ищет не хлеб, а «компромат». Найдя «компромат», он может арестовать своего первого подследственного.

окончание на стр. 3

АРЕСТАМИ ОТМЕТИЛИ ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ

12 декабря недалеко от здания Министерства обороны был проведен пикет протеста против ввода российских войск в Чечню. В акции приняли участие члены ДС и представители других неформальных демократических организаций. Они держали плакаты следующего содержания: «Руки прочь от Чечни», «Прекратить Вторую Кавказскую войну», «Последний день Конституции», «Ельцин, не суй свой нос в Чечню, будет цел» и «Ельцин — это Третья мировая война». В 18:35 шесть участников мирного пикета были задержаны и доставлены в 5 о/м. Среди задержанных четыре члена ДС: Александр Майсурян, Дмитрий Стариков, Виктория Пасько, Евгений Фрумкин, а также Петр Рябов и Григорий Воробьев.

ОБСТРЕЛ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

19 декабря 1994 г. в 14:00 группа членов и сторонников Демократического союза провела акцию протеста против войны России с чеченским народом. У выхода из метро «Арбатская», около к/т «Художественный», участники акции написали на стене здания Генерального штаба Министерства обороны РФ следующие лозунги: «NOT WAR», «РУКИ ПРОЧЬ ОТ ЧЕЧНИ», «НЕТ ЕЛЬЦИНУ, ВОЙНЕ, ИМПЕРИИ», «ПОЗОР ОККУПАНТАМ».

Одновременно с этим был произведен символический обстрел здания ракетами (ракеты для фейерверка). На этот раз обошлось без массовых жертв и разрушений. Три участника акции — Анастасия Дроздова, Ольга Шаповалова и Григорий Воробьев — задержаны и доставлены в 5 отд. милиции г.Москвы. В течение следующих суток военные отмывали стены Генштаба от красной краски. Лозунги смыты, но кроваво-красные пятна, проступающие сквозь белый камень здания, напоминают всем о военных преступлениях, творимых российскими властями в Чечне.

По сообщениям агентства ДС-Инфо. Фото Влада Тупикина

ДС-ИНФО

НАЧАЛАСЬ ВТОРАЯ КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

Последние события в Чеченской республике означают по существу начало войны между ельцинским режимом и Чечней.

Неужели нынешние кремлевские правители не понимают всей тяжести последствий, которую влачет за собой такое решение?

В российской истории прошлого века уже была одна Кавказская война. Она длилась сорок семь лет (1817-64) и стала самой долгой, самой затяжной из всех войн, которые вела Российская империя.

Москва совершила немало преступлений против чеченского народа и в XX веке. Среди них и такое, как поголовное выселение всех чеченцев в Среднюю Азию в 1944 году. Но даже и этот геноцид не сломил стремления чеченцев к свободе и независимости.

Может ли чеченский народ теперь, после всего совершенного, добровольно согласиться на новое подчинение московской власти? Не добившись такого согласия, его хотят подчинить силой. Но это не только преступление, это — ошибка, как была ею и Афганская война. В нынешней, Второй Кавказской войне у России могут быть временные успехи, но никогда не будет окончательной победы. В ней погибнут тысячи чеченцев и тысячи российских военных.

Справедливость в этой войне, бесспорно, будет не на стороне российских войск.

Прекратить Вторую Кавказскую войну!

Да здравствует свободное самоопределение чеченского народа!

27 ноября 1994 г.

ЕЛЬЦИН — ЭТО ВОЙНА

Мы становимся свидетелями начала Второй Кавказской войны. Что это означает для всех нас? В российской истории прошлого века уже была одна Кавказская война. Она длилась 47 лет (1817-64) и стала самой долгой, самой затяжной из всех войн, которые вела Российская империя. Но сегодня эта война не ограничится Чечней и даже всем Кавказом. Она будет идти в Москве, на всей территории России. В нее постепенно будут втянуты участники из многих мусульманских стран. Победы в этой войне ждать также бессмысленно, как и в Афганской, и во Вьетнамской. Война на Кавказе создаст сплошной воюющий пояс от Южной Европы до Средней Азии. Столь широкая война в современном мире всегда может перерасти в мировую! Кому и зачем нужно вводить войска в Чечню, убивать мирных граждан? Для чего это делается — только ли для того, чтобы уничтожить самостоятельность Чечни? Нет, вторжение в Чечню — это и провоцирование военного положения в России, без которого нынешний режим уже не может сохраняться. Он ищет только благопристойного повода, чтобы ввести военную диктатуру. Но режиму надо не просто ввести военное положение, а сделать это так, чтобы создалась видимость «угрозы демократии» в России. Толь ко тогда эти меры будут поняты и поддержаны населением и друзьями режима на Западе. Поэтому весьма вероятны теракты и любые провокации, в т.ч. псевдодиверсии, в Москве, подготовленные теми же спецслужбами Ельцина. Или противостояние наподобие октябрьского 1993 года — между Думой и Ельциным. Есть только один способ прекратить войну на Кавказе — это сместить Ельцина. Октябрь 1993 года показывает, что это возможно только мирным, ненасильственным путем. Сейчас люди с автоматами в рядах мирных демонстраций оппозиции — лучшие друзья Ельцина.

Отстранить Ельцина от власти — остановить Вторую Кавказскую войну!

11 декабря 1994 г.

***МОСКОВСКИЙ КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДС:* В.Кузин, А.Майсурян, В.Матвеев, А.Мусихин, Д.Стариков.**

ОБРАЩЕНИЕ К МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Сегодня уже никто в цивилизованном мире не отрицает, что нарушения прав человека не являются внутренним делом государства. Тем не менее западные правительства упорно называют происходящее в Чечне внутренним делом России. Следует ли это понимать так, что необъявленная война, бомбежки жилых кварталов, убийства мирных жителей не являются нарушением прав человека?

Мы помним, что в 70-е, 80-е годы Запад решительно и совершенно справедливо выступал против преследований советских диссидентов. Но тогда речь шла только об арестах или ссылках. Теперь речь идет о гораздо большем — о лишении жизни мирных людей. И Запад не только не осуждает, но и всячески поддерживает эти действия, неустанно называя их «внутренним делом» России.

Разве не виден здесь двойной стандарт, двойная мерка в отношении прав человека? Когда права человека нарушаются не в интересах Запада, он горячо протестует. Когда то же происходит в интересах западных стран, они это поддерживают или молчат.

Правда, мы считаем, что интересы эти поняты весьма сиюминутно. Например, пожар войны на Кавказе может перекинуться на атомные электростанции в России, вызвать новые Чернобыли. Одобрят ли тогда народы Запада близорукую политику, которая повлекла подобные последствия?

Можно напомнить, как 10 лет назад США гордились и всячески пропагандировали свою дружбу с президентом Ирака Хусейном. Тогда о нарушениях прав человека в Ираке почему-то не вспоминали.

Видимо, западные правительства невозможно переубедить в том, что, выращивая диктаторов по образцу Ельцина или Хусейна, они наилучшим образом служат благу своих народов.

Но ведь кроме правительств есть и сами народы, есть демократическая общественность. Люди, которые помнят, что права человека — не разменная монета в политической игре, что принципы всегда важнее ложно понятых интересов. Что пролитая кровь одинакового цвета — на Востоке и на Западе.

Поэтому мы обращаемся к правозащитным и демократическим организациям всех стран, к международной общественности. Мы призываем их не закрывать глаза на тяжелейшие нарушения прав человека в Чечне и вокруг нее.

Мы призываем их оказать самое серьезное давление на свои правительства, чтобы те прекратили поддержку преступлений, творящихся в Чечне.

28 декабря 1994 г.

МОСКОВСКИЙ КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДС:

члены МКС ДС: Д.Стариков, В.Матвеев, А.Майсурян, А.Грязнов.

Присоединились члены ДС: В.Пасько, Е.Фрумкин, П.Люзаков, М.Магид.

Поскольку ДС не считает современную социально-политическую ситуацию демократической, вопрос о возможных путях, ведущих к демократии (если таковые вообще существуют) по-прежнему актуален. Предлагаем вниманию читателей два противоположных подхода к этой проблеме. Член ДС из Кривого Рога Николай Коноводов полагает, что одной лишь защитой прав человека ничего не добьешься, надо бороться за политическую власть, посредством которой только и можно учредить народовластие. Ему возражает член ДС из Москвы Александр Майсурян, считающий, что первым делом люди должны добиваться соблюдения своих прав, т.к. демократия начинается снизу, а не сверху.

БОРЬБА ЗА ПАРЛАМЕНТАРИЗМ ПЕРВИЧНА, А БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА – ВТОРИЧНА

Из письма Н. КОНОВОДОВА

Мы должны искать ключ к пониманию причины того, что собственность и власть у бывших коммунистов. (...)

Власть дала коммунистам собственность, а собственность дает им возможность продержаться у власти еще сотни лет, время от времени меняя для маскировки свою политическую окраску. Образуется замкнутый круг: власть – собственность – власть. . Выйти из этого круга можно, только разрубив его. Это – внесистемное сопротивление, идея Учредительного Собрания.

НЕОБХОДИМО ПОКАЗАТЬ, ЧТО У НЫНЕШНИХ ВЛАСТЕЙ НЕТ ПРАВА НИ НА ВЛАСТЬ, НИ НА СОБСТВЕННОСТЬ.

Для этого и необходимо вернуться к идее Учредительного Собрания. После разгона большевиками Учредительного Собрания (УС) в 1918 г. второго УС с тех пор не созывалось. Поэтому власть до сих пор нелегитимна. (...)

Основная цель УС – заключение общественного договора, принятие Конституции. Президент, парламент, судьи и т.п. выбираются уже после УС, ибо это лица, подотчетные Конституции.

После учреждения новой власти она должна потребовать от старой:

1. Судебного ответа за узурпацию власти.

2. Судебного ответа за присвоение собственности.

(...) Постановка вопроса в «Правозащитной программе», предложенной Майсуряном, о защите прав человека как о краеугольном камне программы ДС, неверна. Главная идея ДС – народовластие, демократия, а поскольку при народовластии нарушения прав человека минимальны, получается, что борьба за парламентаризм первична, а борьба за права человека вторична.

Программа – это путь к достижению цели. А цели делятся на глобальные и второстепенные. К примеру, парламентаризм – цель глобальная, а отмена паспортного режима – второстепенная. Поскольку при парламентаризме паспортный режим отсутствует, краеугольным камнем программы необходимо сделать парламентаризм, а не отмену паспортного режима.

В «Правозащитной программе» УС даже не вспоминается, да и парламентаризма не видно. Что же, теперь это отменяется, что ли? Неужели тех, кто принимал эту программу, жизнь не научила, что одной лишь правозащитой, как ее ни расписывай, ничего в жизни не добьешься? Мы здесь можем в год одного-двух защитить, буквально тонем в судебных делах. Не проще ли такие суды устранить? Вместе с системой? Вы со своим печатным оборудованием можете аж пятерых защитить, а мы и того не имеем.

Сторонники новой программы явно отступили от идей ДС, который ставил на первый план парламентаризм. У них сейчас два выхода: либо отречься от своей программы, либо создать другую партию, то есть отказаться от правопреемственности ДС. Иначе придется предупредить общественность о самозванности данной группировки. Другое дело, если бы они создали какую-то правозащитную фракцию в ДС.

ЧТО ПОСТАВИТЬ ВПЕРЕДИ: ТЕЛЕГУ ИЛИ ЛОШАДЬ?

(Ответ на письмо Н.Коноводова).

ТРИ ПРОГРАММЫ. Прежде всего, хотелось бы показать, что «Правозащитная программа» не свалилась вдруг с неба, а стала весьма логичным развитием предшествующих деэсовских программ.

Программа ДС имеет весьма длинную и небезынтересную историю. Первая программа ДС была принята в 1988 г. при образовании партии. В ней пространно описывалось, каким должно быть демократическое общество – его экономика, судебная система, политическая система и т.д. Сейчас все это читается как нечто само собой разумеющееся, а тогда эта программа вызвала бурю официальных проклятий (в печати) и неформального возмущения (в среде всевозможных «народных фронтов» и прочих, как они себя тогда называли, «однопартийных демократов»).

Но о средствах достижения всех этих замечательных целей в первой программе не говорилось почти ничего. Буквально в трех строчках упоминалось о том, что способами перехода к демократии могут быть «референдум, учредительное собрание», средством борьбы – «всеобщая политическая стачка».

Таким образом, первая программа отвечала на вопрос «ЧТО такое демократия?», но не «КАК ее достичь?». Поэтому в конце 1989 г. группа членов ДС написала проект новой программы «Гражданский путь». (Его пытались принять на 3, 4, 5 съездах, но так и не приняли). В развитии ДС этот проект сыграл большую роль. Он как раз пытался ответить на вопрос «КАК достичь демократии?». В среде бывших «однопартийных демократов», немедленно после разрешения ставших «многопартийными» («ДемРоссия», Рух и др.) уже сложился ответ на этот вопрос. Средство одно – идти в Советы и оттуда изменять систему.

Авторы «Гражданского пути» были убеждены, что этот ответ – ложный. Это, как они говорили, «демократизация не кресла, а пути попадания в него». Оказавшись у власти, «советские демократы» не ее изменили, как обещали, а сами изменились, подстроившись к требованиям «кресла». Сейчас мы ясно видим, что они оказались такими же взяточниками, ворами, насильниками и т.д., как и их предшественники.

Авторы «Гражданского пути» предложили иной путь изменения общества – не «ходить во власть», а «строить дом рядом», создавать альтернативные общественные структуры власти. Например, гражданские комитеты за созыв учредительного собрания. И, уже опираясь на них, изменять всю систему.

В Москве такие «гражданские комитеты за созыв УС» в 1990 г. были созданы. Но они оказались нежизнеспособными. Попросту говоря, им нечем было заниматься. Агитировать за созыв УС? Но простым людям это было неинтересно и не нужно. Их волновали повседневные, житейские дела. Сначала эти комитеты выродились в какую-то военизированную иерархию похлеще КПСС, а затем просто развалились.

Выяснилось, что «чистой политикой» людей не заинтересуешь, к голому политиканству они довольно равнодушны. Поэтому и появился в 1992 г. проект «Правозащитной программы», где говорилось о том, что людей РЕАЛЬНО затрагивает, что их не может не волновать. Только опираясь на эти их нужды, и можно изменять общество СНИЗУ в сторону демократии.

Ведь демократия, к слову сказать, это не «парламентаризм» (существует и прямая демократия), а, по определению ООН, «возможность людей влиять на принятие решений, затрагивающих их интересы».

БОРЬБА ЗА «ИЗМ» ИЛИ ЗА СОДЕРЖАНИЕ? Вы, уважаемый г-н Коноводов, утверждаете, что самое главное – Учредительное Собрание, а все остальное приложится. Но так ли это? Предположим, Ельцин сейчас созовет УС. Допустим даже, представителям власти в него входить будет запрещено. О его составе нетрудно догадаться (от Жириновского до Новодворской – оба, кстати, бывшие дэсовцы). Чего хорошего можно ожидать от такого Собрания?

Значит, дело все-таки не в ФОРМЕ, а в СОДЕРЖАНИИ. Важно не как называется орган власти, а на какую социальную силу он опирается. На самоорганизованное общество или на узкую правящую прослойку?

Почему, между прочим, катастрофическим провалом закончилось первое Всероссийское Учредительное Собрание? Потому что форме (Учредительному Собранию) было отдано предпочтение перед содержанием.

Народ хотел, требовал, добивался вполне конкретных вещей – в первую очередь передачи земли в распоряжение крестьян. Эсеры и меньшевики, как заклинание, повторяли ему одно – «ждите Учредительного Собрания». (Вместо того, чтобы явочным порядком, мирно – без поджогов имений – передать землю крестьянским комитетам). Большевики воспользовались этим и призвали взять землю немедленно, ничего не дожидаясь.

В результате, когда это чаяние народа было выполнено, что осталось от долгожданного Учр.Собрания, за которое почти столетие проливали кровь русские революционеры? Одна ПУСТАЯ ОБОЛОЧКА, никому уже не нужная. И ничуть не удивительно, что население с таким равнодушием восприняло разгон УС Лениным, а затем Колчаком.

Несерьезно упрекать нынешних дэсовцев в том, что они «отбрасывают» Учредительное Собрание. «Правозащитная программа» – это не ВСЯ программа ДС, а лишь ее ЧАСТЬ (что подчеркивает и название). В других частях может быть подробно развита идея Учр.Собрания. А из текущих лозунгов ДС Учр.Собрание тем более никто не снимал.

Но что особо следует подчеркнуть – то, что Учр.Собрание – не фетиш, не идол, о который следует разбивать свои и чужие головы (как было в 1917 г.), а только СРЕДСТВО к достижению цели – осуществлению прав человека.

ЧТО ЖЕ ПЕРВИЧНЕЕ – ТЕЛЕГА ИЛИ ЛОШАДЬ? Вы упрекаете нас в том, что мы подменяем борьбу за демократию борьбой за права человека. «При демократии права человека нарушаются минимально», – говорите вы. Но ведь это все равно, что сказать, что надо не бороться с болезнями, а убеждать людей в преимуществах здоровья, ибо «при здоровье и болезней никаких нет».

А что же проистекает из таких рассуждений? А вот что. До не столь давнего времени в заключении на Украине сидел политзаключенный Юрий Абрамов. (Его выпустили за три года до окончания срока весной прошлого года). Если бы не кампания за его освобождение В РОССИИ, он сидел бы в лагере и сейчас. Московский ДС разослал по инстанциям и опубликовал не одно заявление в его защиту, мы не раз стояли с плакатами за его освобождение (кстати, он вступил перед освобождением в Московский ДС). Спрашивается, почему же украинские деэсовцы не приняли абсолютно никакого участия в этой кампании?

Возможно, это случайность. Но она вполне логично вытекает из вашей позиции, уважаемый Николай, ибо вы говорите, что главное – бороться за смену власти, а не за права конкретных людей.

Значит, все те 5,10,20 или более лет, в течение которых мы будем бороться за власть, конкретные люди (тот же Абрамов) должны сидеть в лагерях или отравляться ядовитыми отходами, терпеть различный повседневный произвол и т.д. Зато вот когда мы придем к власти, мы все это устраним. Но кто же этому, простите, поверит? Ведь деэсовцы, приближенные к власти, умеют перерождаться ничуть не хуже прочих сановных демократов, чему пример – та же Новодворская.

Единственная гарантия тому, что мы останемся самими собой, – то, что мы УЖЕ СЕЙЧАС будем бороться за конкретные права конкретных людей и будем иметь опору в их борьбе за свои права, а не во властной пирамиде. То есть поставим «лошадь впереди телеги», на первое место – права человека, на второе – средства их достижения (демократию, Учредительное Собрание и т.д.).

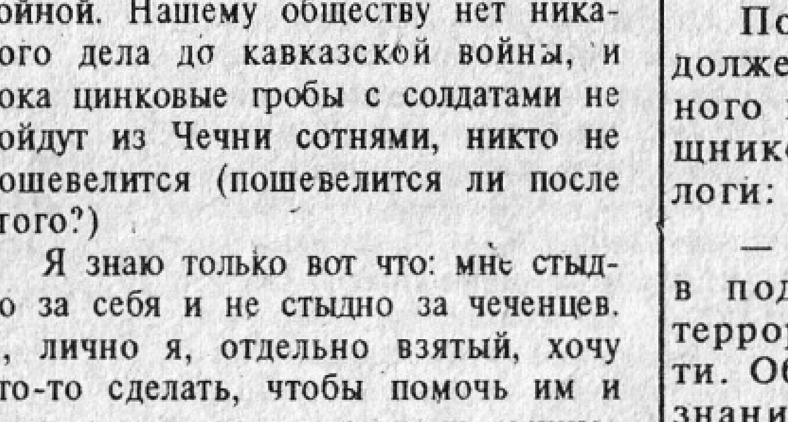
А вообще, мне кажется, не следует рыть пропасть там, где ее нет, и торопиться объявлять кого-то «самозванцем» и т.п. Демократический Союз потому и называется союзом, что в нем у людей могут быть разные мнения о путях достижения общих целей. А цели – демократическое общество, права человека — у нас остаются общими.

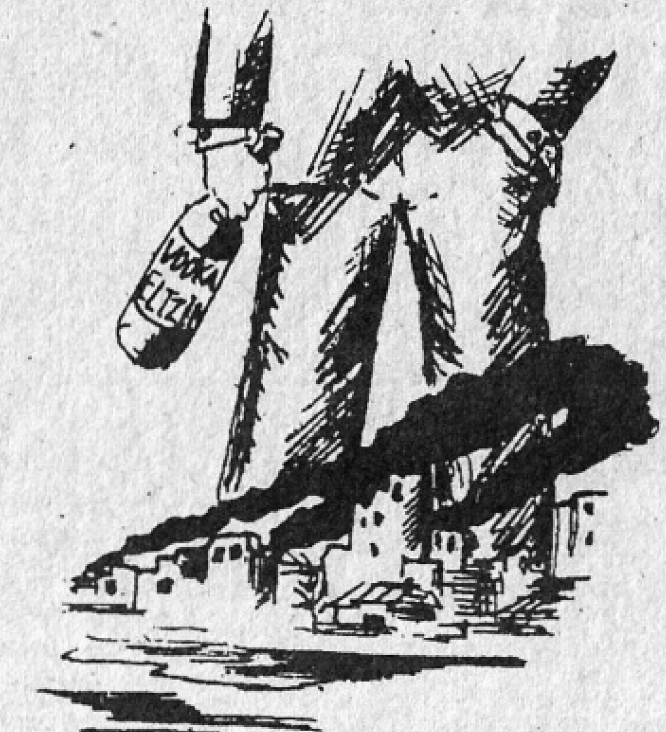
Александр МАЙСУРЯН

(Москва).

НЕТ ВОЙНЕ

УНИЖЕНИЕ

«Будучи сам русским, желаю поражения там русским и для этого готов был бы многим пожертвовать.»

Н.Г. Чернышевский (о подавлении русскими войсками венгерской революции в 1848 году)

«... Да — мы еще народ рабский (...) Наши повелители пользуются нашими руками для того, чтобы сковать мир, чтобы поработить народы, и всякий успех их есть наш позор, прибавленный к нашей истории.»

М.А.Бакунин (из речи 1847 г.)

В воскресенье 11 декабря, где-то около полудня, мне позвонил знакомый и сообщил, что началась война. Колонны наших (тьфу ты, не наших — «российских»!) танков и бэтээров с трех сторон ползут к Грозному.

После этого вывело из обычной дремотной апатии, вырвало из дома на улицу, бросило на ворчащую Пушкинскую площадь, заставило лихорадочно метаться по Москве в жажде организовывать несанкционированные демонстрации, бить стекла в административных зданиях и кричать хриплым от мороза голосом, превратило робость — в отвагу, косноязычие — в красноречие, лень — в решительность — одно внезапное, всепоглощающее, ошеломляющее чувство. Чувство невыносимого личного унижения. Мне отчетливо и ярко показали, — так ясно, как никогда прежде — кто я такой и что я могу в этой стране, стране полусвободной прессы и полуразрешенных митингов.

Все это было понятно и раньше. Казалось бы — не мне удивляться и причитать вместе в гайдаровцами об угрозе, нависшей над нашей полудохлой демократией (а был ли мальчик?). Не мне удрученно скорбеть о том, что всеядный Запад признал войну на Кавказе «внутренним делом России». О том, что жалкие людишки в Думе, сгоряча начав с призывов к митингам и к импичменту страждущего носом алкоголика, кончили его поддержкой «в общем и целом» и попрятались в свои норы и щели. О том, что наше правдивое TV по указке начальства называет бомбардировки жилых кварталов «точечными ударами по военным объектам», а депортации и геноцид населения — «гуманитарной помощью». О том, что Совет Безопасности РФ, согласно сообщению радио «состоявшийся сегодня в клинической больнице» (!), решает «ужесточить меры» по «восстановлению конституционного порядка и соблюдению прав человека в Чеченской республике». О том, что ельцинское окружение именует отряды Дудаева «незаконными бандформированиями» и то требует, чтобы они немедленно разоружились и капитулировали, то вступает с ними в «переговоры» под аккомпанемент авиа бомбежек Грозного, то выдвигает гениальную идею с выкупом у них оружия... Все это для меня не новость. Откуда же тогда этот жгучий стыд и неотвратимая необходимость что-то сделать? Отчего это полузабытое за несколько лет душевного безвременья ощущение падения с обрыва?

Да, неимоверно стыдно за Россию, за Запад, за человечество, в котором угораздило родиться. За оппозиционеров, самодовольно болтающих по залам и площадям тогда, когда время болтовни ушло, за политиков — мелочных, подлых и бездарных, за российских солдат, тупо несущих (в который уж раз!) смерть и рабство народам Кавказа. За отечественных жлобов и бюргеров, не думающих ни о чем, кроме собственной задницы (впрочем, и оную неспособных защитить!), и злобно радующихся, что «теперь-то эту черномазую нечисть поприжмут». За «противников войны» — ни на что не способных, кроме мольбы и жалоб, и мотивирующих даже протест против войны чисто имперскими и шкурными соображениями:«мы» «много людей потеряем на войне» (а скольких убьем?!), «быстро с чеченцами нельзя покончить» (а если бы можно было, что тогда?) и «Россия, конечно, неделима, но Чечню надо воссоединять с Россией мирным путем» (о, проклятый Молох Державы!). Стыдно за себя, жаждущего дела, страдающего от того, что каждую минуту чудовищно лгут, предают, убивают — нагло, в открытую, без всякого прикрытия, — а я ничего не могу придумать, кроме все того же, безобидно-неформального: выйти на пикет, расписать стены надписями, расклеить листовки!

Стыдно за всех, кроме чеченцев. Они, конечно, не рыцари без страха и упрека, и жулья среди них хватает, и идеалы мирового интернационального братства от большинства из них бесконечно далеки.

Но у них есть главное: они за 0себя, за свое достоинство, за свою свободу решать — как им жить (пусть мне не понятно и не нравится то, как они живут — но это не мое дело), готовы драться, готовы умереть. Сегодня вся Чечня — «незаконное бандформирование», ведущее неравную битву с законным многовековым бандформированием — Российской империей, агонизирующей на наших глазах. Среди всеобщей мировой подлости, трусости, ослепления, распада и неподлинности, когда потоки высоких слов не подкрепляются никакими делами, а люди слепы, жалки и безответственны, такое поведение чеченцев и других кавказцев — чем бы оно ни объяснялось: «первобытным укладом жизни, не тронутым цивилизацией», или высокой вольнолюбивой «идейностью» — выглядит по меньшей мере как героизм. И потому я радуюсь каждому подбитому ими танку или задержанному военному эшелону.

Я боюсь возглашать тирады «За вашу и нашу свободу». Это говорят другие, немногие, которые ничего при этом не делают.

Я не прошу русских солдат не убивать мирных жителей и отказываться выполнять преступные приказы начальства. Все немногое, что я знаю о «наших» солдатах, заставляет меня думать, что этого все равно не будет.

Я не призываю общество восстать как один и возмутиться кавказской войной. Нашему обществу нет никакого дела до кавказской войны, и пока цинковые гробы с солдатами не пойдут из Чечни сотнями, никто не пошевелится (пошевелится ли после этого?)

Я знаю только вот что: мне стыдно за себя и не стыдно за чеченцев. Я, лично я, отдельно взятый, хочу что-то сделать, чтобы помочь им и снять с моих плеч хоть часть свинцовой ноши стыда, избавиться от невыносимого унижения и позора.

Довольно мы повторяли вслед за Александром Галичем: «Граждане! Отечество в опасности: наши танки на чужой земле!» Довольно мы здесь, в Москве, сейчас, в перестройку и постперестройку, плакались по поводу всех предыдущих авантюр и агрессий, которых так много было в позорной и кровавой истории государства Российского. Афганская война, война в Таджикистане, интервенция в Чехословакию, Финская вой на...и дальше, дальше, в глубь времени — Венгрия 1849 года, тот же залитый кровью Кавказ XIX века, многократно удушаемая, но так и не порабощенная, гордая Польша...Все это было тогда — давным-давно. Обо всем этом можно было говорить — и мне, и другим: не я принимал решение, я не знал, меня тогда на свете не было. Сейчас и я, и другие — есть на свете. Мы — знаем. Мы — взрослые. Решать — нам.

Петр Рябов

ПОИГРАЕМ В МАССОВЫЕ УБИЙСТВА

ОКОНЧАНИЕ, НАЧАЛО НА СТР. 1

После первого ареста он должен добиться у арестованного показаний на его «сообщников». Он ведет с ним диалоги:

— Вы полностью уличены в подпольной троцкистской террористической деятельности. Облегчите свою вину признанием! В противном случае нам придется репрессировать всю вашу семью.

Если убеждение не действует, игрок применяет по своему выбору «меры физического воздействия» — проще говоря, пытки — от простых до самых изощренных, по нарастающей. Когда подсудимый признается, выданных им сообщников тоже можно арестовать. И так далее. Время от времени на экране появляется городская газета с заголовком «Раздавить бешеных псов» и сообщением об аресте очередных врагов народа.

Всего же игроку для арестов дается небольшой город. Задача — репрессировать все население города поголовно.

Иные подследственные ломаются сразу, другие держатся долго. Но когда подсудимый начинает выдавать сообщников, не стоит усиливать пытки, выбивая у него показания сразу на весь город. Иначе в газете может внезапно появиться заголовок «Партия сурово осудила отступления от социалистической законности» и сообщение об аресте врага народа (Иванова, Петрова — фамилия игрока).

А какой простор для фантазии предоставляют нынешние события в Чечне! Игра «Штурм Грозного» могла бы быть не менее увлекательной.

Эх, да что там говорить! Сколько еще великолепного материала для веселых игр дают «Освенцим», «Бабий Яр», «Колыма» и т.д. Словом, работы непочатый край. Для таких, как «Никита».

Александр Майсурян

НЕПРИЯТИЕ

Наступил Новый год. Для кого-то просто самый любимый праздник. А для кого-то — похоронный вой. И стук мерзлой земли о гроб. И слезы, которые стынут на морозе. И бессильная ярость. И сжатые кулаки — белые пальцы с синими прожилками.

Я знаю. Я помню. Я уже был не маленький. Ровно 15 лет назад мой двоюродный брат Володя, тогда простой десантник, водитель БМДшки, штурмовал штаб афганских ВВС в Кабуле. Ему страшно повезло — афганцы подожгли той ночью не его, а соседнюю бронемашину. Везло ему и потом — еще целый год до дембеля. Год в Афганистане. Он все выдержал — и тяжелые горные условия, и страшные «моральные нормы» войны, и вирусный гепатит, и пулю, и орден Красной Звезды. Не выдержал его отец, на второй день после возвращения Володи в Москву. Не выдержало сердце.

Почему-то я очень хорошо запомнил такую деталь: брат вернулся в ноябре, в десятиградусный мороз, в одном кителе — в Азии, откуда он ехал, было еще тепло, и Родина отпустила его без шинели. Так и стоял он на похоронах отца — в десантной тельняшке и х/б, но зато с орденом.

Именно тогда я впервые понял, почему Лермонтов любил отчизну «странною любовью». С годами я окончил школу, поступил на истфак, не попал по здоровью в армию (а ведь собирался, кретин, даже специально подготовил заношенную одежду к призыву) и понял, что Родина, страна, Россия — это одно, а партия, правительство и государство — совсем другое.

Это понял не только я. Были и другие люди, которые поняли и, в отличие от меня, действовали сообразно своему пониманию. Люди, которые, как могли, делали что-то против той войны. Какой-то молодой рабочий, я знаю, был посажен за то, что сжигал техническую документацию к военным грузовикам, которые выпускал его завод. Академик Сахаров, осудивший вторжение в Афганистан, был сослан в Горький. Петр Сиуда, рабочий, участник Новочеркасской забастовки 1962 года, за протест против афганской войны был зверски избит сотрудниками КГБ и чудом остался жив (рука ГБ достала его позже — в 1990-м).

Прошло 15 лет. Первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б.Н.Ельцин и участник афганской бойни П.С.Грачев начали новую затяжную войну. Что делается против войны сейчас? Жалкий четырехтысячный московский митинг, на котором даже общая беда не примирила — коммунисты и демократы чуть не подрались, доказывая, кто из них больший противник войны. Пятеро ребят (трое членов ДС, один беспартийный и один анархист) написали антивоенные лозунги на здании Генерального штаба — и были сданы в милицию простой советской женщиной, торговкой, каких много у метро «Арбатская» — ей не понравилось, что кто-то пачкает стены.

Можно сокрушаться по поводу поступка женщины (зря: тот, кто наживается на нищете, перепродавая, продаст все, что угодно, — людей, Родину, родную маму). Можно недоумевать — почему только пять человек (тоже зря: а почему шестым не стали вы?). Но лучше задаться другим вопросом, более прагматичным (все мы хотим жить, я надеюсь): «Да чем же все-таки их пронять, как заставить остановить войну?». Пожалуй, прямо сейчас уже никак. Но можно попробовать не допустить подобного в будущем. Для этого необходимо изменить свое отношение к этому государству.

Нужно выработать правила поведения по отношению к нему. Государство объявило войну — в том числе и нам (нас и наших, а не президента Ельцина и не министра Грачева братьев, детей, мужей будут призывать на фронт — и убивать там). Если мы не хотим умереть в окопах (а также — от голода, холода, милицейского произвола), мы должны сопротивляться.

Не подчиняться неправомерным требованиям милиции. Не ходить на выборы — пусть уж государство как-нибудь само, без нас себя обслужит — диктатора назначит или царя-батюшку. И, разумеется, все повестки из военкомата отправлять в унитаз, им там самое место. Прятать дезертиров. Не смотреть их телевидение. Не верить им. Дальше — как подскажут вам совесть и фантазия.

И когда они столкнутся с повальным, всеобщим неприятием, с тотальным бойкотом своих начинаний и инициатив, они десять раз подумают, прежде чем снова начать двигать дивизии.

Влад Тупикин

НАКАНУНЕ

10 декабря, в День прав человека Пушкинская площадь в 19 часов была пуста. До этого с полчаса постоял пикет «новых левых» с плакатом «Руки прочь от Чечни», кто-то выступал с мегафоном, но именно в традиционное время (7 часов вечера) никого у памятника Пушкину не осталось. Впервые за последние двадцать лет.

Стоял без дела наряд милиции у машины на обочине. Недоумевали мы. Казалось, это был закономерный итог прошедшего безвременья. Праздник послушания.

Эта площадь видела десятки, сотни, тысячи демонстрантов. Отсюда увозили на омоновских автобусах.

Диссиденты, правозащитники, бывшие политзаключенные приходили сюда в этот день, рискуя быть схваченными по дороге и уж точно уверенные, что будут схвачены в момент акции только за то, что сняли шапки, скорбя по правам человека и выражая протест.

Это стало традицией. Традиция умирала на наших глазах. Наряд милиции буднично скучал.

Мы, пятеро членов и сторонников Демсоюза, решили что-нибудь сделать. Я купил розу и положил ее вместе с нашей газетой «Свободное слово» к памятнику. Ровно в 19 часов мы сняли шапки.

Поговорили, постояли, и все.

Я поделился с ребятами грустным предчувствием: если завтра случится беда, то сегодняшним равнодушием мы ее заслужили.

В этот раз традиция не умерла. Дай Бог, чтобы в следующий раз мы уступили место именитым и важным, но если даже никто и никогда больше в России не вспомнит о правах человека, мы каждый год будем приходить сюда в этот день и в этот час.

А утром 11 декабря российские войска двинулись к Грозному.

Павел Люзаков

ЗЕЛЕНАЯ ВОЙНА

Петр Рябов

ЧЕРЕПОВЕЦКИЕ ПИСЬМА

Хроника из окопов зеленого фронта

Продолжение эпопеи экологического лагеря протеста «Череповец-94», начало см. "Свободное слово" №№ 5(118) и 6(119).

Письмо третье

Стакан вина

Рано утром мы видим красивую картину: полнеба — розовое, со ржавчиной. Помимо обычной гари, в воздухе ощущается еще какая-то незнакомая гадость. Аварийный выброс. Конец месяца: комбинат гонит недовыпущенные тонны металла, вконец загоняя дряхлые технологии.

Вечером на собрании жителей одна женщина рассказывает:Ночью, когда это все началось, я почувствовала, что задыхаюсь, и позвонила диспетчеру на комбинат. Кричу ей в трубку: «У вас аварийный выброс! Я не могу дышать! Что делать?» А диспетчерша отвечает: «Выпейте стакан вина и ложитесь спать».

Выброс

Жаркий день. Мы шагаем по асфальту. На асфальте, на листьях тополей — тысячи сверкающих искр-блесток: крупицы металла.

Задумчиво глядя на заводоуправление ЧерМК, перед которым болтается трехцветный ельцинский стяг на флагштоке, а позади, на фоне этого стяга, надрывно дымят трубы мартена, мой спутник Алеша говорит мне:

— Когда я вижу этот флаг на фоне смога, я воочию представляю себе, что такое «ВыбРос» и выбросы.

...Игра слов?...

Разнообразие форм экологического протеста

Не так уж и много в Череповце людей, которые с начала и до конца прониклись к нашему эколагерю дурными чувствами, но они есть. Каждый день на пикете хоть от двух-трех граждан, но услышишь один и тот же стандартный набор обвинений (господи, как же надоело: не слушать, не реагировать, отвечать спокойно:«Дышите глубже! Проходите мимо!»):

— Сколько вам платят?

— Идите, работайте!

— Удавить вас, бездельников, мало!

И обязательно — про наши «гадости»: про «вытоптанную лужайку», про «испачканную надписями площадь»...

В прошлом году одна тетка, пришедшая в лагерь, долго озирала наши флаги и плакаты, палатки и костер, и затем, придя к окончательным выводам и глубокомысленно охнув, изрекла:«ПОГУБИТЬ НАС ПРИЕХАЛИ!»

В этом году говорят иначе:«ГАДИТЬ ПРИЕХАЛИ!» (Погубить, видимо, не удалось, так хотя бы нагадить!)

Попытки «погубить» мы почему-то называем на своем странном жаргоне «радикальными акциями», а попытки «гадить» — «конструктивной работой с населением»

Надписи

Площадь Металлургов, на которой с рассвета до заката работает наш пикет, покрывается надписями на асфальте. Надписи сообщают, предупреждают, взывают. Это наши требования, информация о состоянии воздуха в Череповце, цифры, призывы.

Люди останавливаются, глазеют себе под ноги.

Один раз милиция пытается пресечь это безобразие — засунуть в свой «газик» нашу рисовальщицу — Ладу, выводящую кистью вопрос: «ЧЕМ ВЫ ДЫШИТЕ?» Тут же сбегается толпа местных. Возмущенные крики:

— Я врач! Возьмете ребят только через мой труп! Как вам не стыдно! Они же за нас тут...

— Лучше бы вы бандитов ловили, а не этих мальчишек!

— Представьтесь, пожалуйста, гражданин старшина!

— Позор! Позор!

Под градом упреков милиция неуверенно отступает, просит нас «только не пачкать площадь», а «против вас и ваших требований мы ничего не имеем», — говорит она.

Но мы неумолимы.

— Согласитесь, это не «пачканье» площади. Мы оставляем за собой свободу действий, в том числе — на распространение информации.

Пристыженная милиция уезжает.

А ночью на площади перед мэрией Череповца появляются новые надписи на асфальте. Текст одной из них на следующий день попадает в местные газеты: «Г-н ПОЗГАЛЕВ! СРОК ВАШЕЙ ЖИЗНИ — 59 ЛЕТ!» (Позгалев — это мэр, а 59 лет — средняя продолжительность жизни мужчины в Череповце).

На следующий день целый штат работников мэрии прилежно трет асфальт бензином, но масляную краску стереть трудно, и надпись остается.

Теперь каждый череповчанин знает, сколько осталось жить мэру города.

Трамвай

Я сажусь в трамвай — главное средство передвижения в Череповце. Вдруг сзади — грубый удар: кепка слетает с моей головы. Вокруг меня — шестеро подвыпивших парней, агрессивные намерения которых не вызывают сомнений. Но я вспоминаю: «Когда вы спокойны, то бесы плачут». Я стараюсь остаться спокойным.

— Ты из «зеленых»?

— Да.

— А мы против. Что же нам с тобою делать?!

— Вы против свежего воздуха? - Я стараюсь, чтобы мой голос звучал уверенно.

— Нет. Но мы хотим получать нормальные бабки.

— Так и мы тоже за это! - говорю я.

Мы говорим три минуты, пять минут. Потом они выходят из трамвая, а я спокойно еду дальше по своим делам.

Головокружение без успехов

Мы приехали в областной центр — Вологду — по делам лагеря, хотя особых успехов нет. Голова здорово кружится от свежего воздуха (все же расстояние приличное — три часа езды поездом от Череповца).

В нескольких местных общественных организациях, в которых мы успели побывать и на чью помощь рассчитывали, нам ясно дали понять, что особо активной поддержки ждать не приходится: Череповецкий меткомбинат кормит всю область, и все здесь зависят — пусть косвенно, пусть опосредованно — все от того же Липухина (директора комбината — прим. ред.). Поводок длинный, но он есть.

А голова страшно кружится. Хорошо, что уже сегодня к ночи мы опять вернемся к своим, в наш отравленный Череповец. В Череповце нам любят рассказывать характерный анекдот: пошел череповчанин в лес и потерял сознание от лесного воздуха. Чтобы привести его в чувство, пришлось положить его под выхлопную трубу автомобиля — только тогда он пришел в себя.

В Вологде я двигаюсь по синусоиде — значит, уже вполне адаптировался к Череповцу за месяц! И сам не заметил, как начал говорить о нем «наш Череповец».

Попутно о Москве

Но почему же нас здесь, в Череповце, так мало: семь-восемь, много если десять, участников лагеря?! (Остальные подъезжают как туристы, на два-три дня). Ведь я же знаю: есть в Москве десятки, даже сотни знакомых, называющих себя неформалами, революционерами, радикалами, анархистами...

Где же они? Или у них другие дела — поважнее и посерьезнее?

Я вспоминаю, как за неделю до отъезда в Череповец зашел к одному такому знакомому и предложил ему и его группе поехать с нами.

— Нет, мы не поедем. Мы — домашние революционеры,— отвечает он. Мы расстались. Я поехал в Череповец, а они остались в Москве «делать революцию». На тусовках, называемых «конгрессами». На бумаге.

Потом, чуть позднее, они опишут в своих неформальных газетах то, что мы сейчас делаем в Череповце, привесят к этому какие-то громкие ярлычки, дадут иделогическое обоснование, сообщат на Запад — другим революционерам. Поставят себе галочку за проведенную «акцию».

Здесь, в эколагере протеста, я окончательно убедился в том, что все революционеры делятся на две категории. На тех, кто участвует в подобных «акциях», и на тех, кто об этих акциях пишет. И эти две категории, увы, почти не пересекаются.

Рабочие

Мы часто ходим есть на комбинат в столовые разных цехов. Я сижу и ем в столовой сортопрокатного цеха. Ко мне подсаживается рабочий лет сорока.

— Ты из зеленого сообщества?

— Да. (Мы уже давно не удивляемся тому, что нас везде узнают в лицо).

— Тогда доешь и пойдем, побеседуем.

Я наскоро доживаю кашу, и мы бредем через грохочущий цех в тихий /более-менее/ уголок, где присаживаемся на бревнах и где меня окружают еще человек шесть в замасленных робах, с перепачканными лицами. Я говорю. Я рассказываю о наших требованиях, возмущаюсь порядками в городе и на комбинате, призываю к протесту и объединению. И чем дальше я говорю, краем глаза наблюдая за их редкими утвердительными кивками и немногословными, основательными репликами промеж себя, тем больше я понимаю, что не могу сказать им ничего такого, чего бы они сами не знали, что я юнец перед ними, что мне надо не говорить, а слушать. И, наскоро отговорив свое, я жадно слушаю их, тех, кто в э т о м городе, в э т и х цехах сохранил в себе человека. И я любуюсь их серьезностью, их рассудительностью, исходящей от них энергией и надежностью. Такие не побегут в истерике за любым призраком, не будут по пустякам кричать, плакать или аплодировать, но если эти — э т и — скажут, то сделают, а если сделают, то уж надежно. Они имеют дело с металлом и с Липухиным, и они — ЛЮДИ. Они рассказывают о своих товарищах, умирающих в 50 лет от рака легких, о своей мартовской победной забастовке, о произволе директорской охраны, которая может безнаказанно ломать ребра на проходных рабочим, от которых пахнет алкоголем (таких случаев было несколько), о радиоактивном шлаке, который целый год применялся в одном из соседних цехов («Сейчас все, кто с ним работал, уже умерли»), о том, что старые профсоюзы — пустое место, а новый, Свободный, в котором они состоят, тоже последнее время что-то не слышен...

Я жадно слушаю их и любуюсь.

Пусть я прочитал множество книжек, о которых они и не слыхивали, пусть я корчу из себя анархиста, революционера и без пяти минут философа, — но я любуюсь ими, я завидую им — потому что в них я ощущаю какую-то первобытную здоровую силу, энергию, какую-то недоступную мне правду жизни. Быть может, чтобы понять это, надо прожить много лет бок о бок с металлом и с Липухиным.

Завтра я снова вернусь в этот цех.

Не рассказывать — слушать.

Крепостное право

Помимо ежедневного пикета, мы ходим по дворам и квартирам возле ЧерМК, обходя дом за домом. Раскачать и поднять людей, помочь им понять не только то, что «все рабы» и «все скоро подохнем» (это-то все понимают), но что «можно иначе» — разве это задача для десятка человек (со стороны) и для одного месяца работы?!

«Невыносимая легкость бытия»...Не помню, откуда это выражение, но только в Череповце все наоборот — «невыносимая тяжесть бытия». (Может, от этого все и пьют по-страшному, куда больше и чаще, чем в Москве).

В одном из домов нам рассказывают такое, что с трудом укладывается в голове. Оказывается, распространенная в Череповце практика такова: людям, ютящимся сейчас, как сельди в бочке, в каком-нибудь разваливающемся доме и работающим на комбинате, добрый комбинат дает новые квартиры — в наиболее отравленных районах возле самых труб ЧерМК. Счастливые и благодарные люди въезжают, но не получают ордера на квартиру; в паспорте ставится штамп: «общежитие», т.е. пока человек работает на комбинате, у него есть крыша над головой, если же человек начнет «выступать» или уйдет с ЧерМК, то он автоматически станет бездомным.

Если э т о — не крепостное право, то что тогда — «крепостное право»?

Протоколы и повестки

Работать с людьми с утра до вечера очень тяжело. Куда легче и проще общаться со старыми знакомыми — «пятнистыми» из охраны и милиционерами.

Мы с товарищем из лагеря сидим возле одной из комбинатских столовок. До открытия ее остается всего три минуты, когда подъезжает группа военизированной охраны и нас — нарушителей, проникших на режимное предприятие (с трех сторон не имеющее ограды вовсе, а с четвертой — ограду в дырах, через которые полгорода ходит в дешевые столовые и магазины ЧерМК) — доставляют в отделение милиции.

Нам выписывают протоколы о задержании и повестки в суд. И то, и другое мы дружно отказываемся подписывать. Кстати, забавная деталь: хотя нас задержали двое охранников, по протоколу их уже трое. Но это пустяк!

— При задержании ты назвал меня (следует не очень приличное слово), — кричит мне «пятнистый», выведенный из себя.

— Вообще-то я тебя так не называл, но если ты очень хочешь, то могу назвать.

Наш отказ подписать протоколы и повестки озадачивает майоров милиции, в руки которых мы переданы. Их можно пожалеть: сейчас вечер, народного судью достать нельзя, а через три часа после задержания, установив наши личности, они обязаны нас отпустить. Что же делать?

Мы протягиваем им листовки с нашими требованиями и предлагаем вступить в инициативную группу жителей, которая борется за решение экологических проблем города. Это предложение почему-то доводит майора Калачева до истерики.

— Я вас продержу здесь всю ночь!

— Пожалуйста: сила на вашей стороне. Но по закону через час и сорок три минуты вы обязаны нас отпустить.

— А я буду вас отпускать и снова задерживать на три часа — и так всю ночь!

Мы только пожимаем плечами.

— А раз вы не хотите по-доброму ничего подписывать — я вас р а с к а т а ю! — орет рассерженный майор.

Мы не знаем, что означает на милицейском наречии слово «раскатать», и майор охотно объясняет, что это значит: снять отпечатки ног, рук, пальцев, глаз и т.д. и проверить на нераскрытые преступления.

— Что же, — говорю я вежливо,— пожалуйста, раскатывайте. Это, наверное, довольно интересно.

— Ах, вот как! — беснуется майор Калачев.— Так вот же вам: я не верну вам паспортов!

— А мы не уйдем отсюда и будем сидеть здесь — хоть месяц!

— То есть как? — поражается он нашей наглости.

— А вот так.

В итоге поле битвы остается за нами: мы со своими паспортами и неподписанными повестками в суд (конечно, мы не появимся там по доброй воле!) покидаем отделение милиции.

Нет, право, общаться с милицией и охраной комбината куда легче и проще, чем с людьми в Череповце!

Концы и начала

Как часто бывает со мною здесь, в Череповце, я одновременно испытываю два сильных и взаимоисключающих чувства. (Это именно чувства, а не мысли, так как за делами нету времени их подробно фиксировать и рефлексировать). Одно чувство — ощущение непривычной полноты, насыщенности и осмысленности жизни, близкое к тому, что называют «счастьем». Второе чувство — нетерпеливый хронометр, отсчитывающий дни и часы, оставшиеся до возвращения в Москву — к теплому душу, к мягкой постели, к нормальной пище, к блаженому ничегонеделанию и расслаблению.

И чем ближе конец нашего эколагеря, тем понятнее мне становится, что это не конец никакой, а только самое начало. Не знаю, к счастью или к несчастью, но одно все очевиднее для меня: Череповец — это не на один месяц и даже не на один год. Здесь не помогут лихие налеты и дерзкие безумства. Здесь могут быть вредны легкомысленные штучки и эффектные выходки. Здесь бесполезно учить и полезно учиться. Здесь не много яркого и блестящего, но много глубокого и подлинного. Череповец — это не суетливый и рафинированный муравейник московских тусовок, это нечто выстраданное и настоящее. Череповец — это город непомерной тяжести жизни, город чудовищного удушья и боли, город людей, которым хочется помочь и на которых можно положиться. Город, в котором за год, протекший с начала того, прошлогоднего лагеря до конца этого, у меня появилось много долгов, много настоящих друзей и множество только-только начатых дел и незаконченных встреч. Хватит ли у меня сил на продолжение?

Не знаю я, к счастью или к несчастью, но Череповец — это всерьез и надолго.

Михаил ЦОВМА

КСАНАНА — ВОЖДЬ МАУБЕРОВ

ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР: ТРАГЕДИЯ, СОЗДАННАЯ ЗАПАДОМ

7 декабря — очередная, вот уже девятнадцатая, годовщина оккупации Индонезией маленького островного государства Восточный Тимор, находящегося на самом краю юго-восточной Азии, у берегов Австралии. Несмотря на чудовищные преступления, творимые режимом генерала Сухарто на этом острове вот уже много лет, Тимор окружен стеной молчания в прессе.

УКРАДЕННАЯ СВОБОДА

В 1974 году португальская «Революция Гвоздик» положила конец почти четырехсотлетнему колониальному владычеству на острове. На Восточном Тиморе, как и в Африке, начался процесс деколонизации. Примерно в это же время начала формироваться новая нация, ранее разделенная племенными барьерами, появились национальная поэзия, литература, театр, возникло самоназвание тиморского народа — маубере (при колониализме этим словом обозначали крестьянина, «деревенщину»). Возникли две главные политические силы — Тиморский Демократический Союз (УДТ) и Революционный Фронт Независимости Тимора (ФРЕТИЛИН).

Соседняя Индонезия, где в 1965 году в результате военного переворота, унесшего почти миллион жизней, установился режим генерала Сухарто, никогда не отказывалась от притязаний на все острова Индонезийского архипелага. Еще правительство Сукарно (предшественника Сухарто) вело войну с Малайзией, а в 1965 году Индонезия захватила западную часть острова Новая Гвинея. Решив присоединить и Восточный Тимор, индонезийские спецслужбы повели психологическую войну против тиморцев — радиостанция «Купанга», находящаяся в западной, индонезийской части острова, передавала в эфир записи пулеметных очередей вперемежку с угрозами в адрес тех, кто не желает «воссоединения». Тем не менее на выборах в местные органы власти весной 1975 года большинство получили сторонники независимости — ФРЕТИЛИН (55 процентов голосов) и УДТ; проиндонезийская партия АПОДЕТИ практически провалилась, несмотря на щедрое финансирование со стороны Индонезии.

Руководство ФРЕТИЛИН состояло из сравнительно радикальной интеллигенции, получившей образование в Португалии, там были и католики, и марксисты. (Наличие последних, составлявших лишь небольшую часть активистов ФРЕТИЛИН, потом было использовано Индонезией и США для раздувания мифа о «коммунизме» ФРЕТИЛИН.) УДТ в основном представлял интересы местной тиморской элиты, которая пыталась отстаивать собственные экономические интересы, которые в частности были тесно связаны с кофейной промышленностью. Массовой базой ФРЕТИЛИН, напротив, было крестьянство. УДТ, подталкиваемый Индонезией, совершил в августе 1975 года попытку переворота, но не был поддержан населением. В ходе боев погибло около 2000 человек, руководство и активисты УДТ бежали в Индонезию. Там они провозгласили «воссоединение».

С сентября 1975 года индонезийские войска начали боевые действия в приграничных районах. Хорошо организованные и дисциплинированные, хотя и слабо вооруженные, отряды ФРЕТИЛИН успешно давали отпор агрессорам. Те же, кто мог остановить крупномасштабное вторжение, США и Австралия, хладнокровно наблюдали за неравной борьбой маленького народа против 180-миллионного колосса. ФРЕТИЛИН обратился к международному сообществу, но безрезультатно. Убедившись, что «демократический» западный мир им не поможет, 28 ноября 1975 года лидеры ФРЕТИЛИН провозгласили независимую народно-демократическую республику Восточный Тимор. В то же время всем было ясно, что крупномасштабное вторжение — вопрос нескольких дней. Западные державы спешно эвакуировали своих граждан с острова. Тимор был отрезан от внешнего мира, единственной ниточкой, связывавшей его с ним, оставалось радиосообщение с австралийским городом Дарвин.

На рассвете 7 декабря 1975 года индонезийские войска высадились в Дили (Дили — столица восточного Тимора) с моря и с воздуха. Силы ФРЕТИЛИН заранее отошли в горы, понимая, что город им не отстоять. С первого дня оккупации индонезийцы начали террор против местного населения, в частности против китайцев, которым они «мстили» за поддержку китайской компартией путча 1965 года в Индонезии. Точные цифры погибших неизвестны, но можно с уверенностью сказать, что сейчас эта цифра приближается к 300 тысячам, что составляет почти треть довоенного населения Восточного Тимора.

В 1975 году почти 400 тысяч человек бежали в горы, контролировавшиеся партизанами. Постепенно все сельскохозяйственные районы были заняты оккупантами, поэтому в партизанских районах ощущалась нехватка продовольствия. Несмотря на это, мирная жизнь была постепенно налажена, и тиморцы, жившие в пар-тизанских районах, смогли самостоятельно обеспечивать себя минимумом продовольствия. Помимо этого существовали школы и госпитали. Индонезийские войска постепенно сжимали кольцо вокруг партизанских зон, и в конце концов им удалось рассеять силы повстанцев. «Захваченное» население было помещено в «стратегические деревни» (фактически — концлагеря), созданные по образцу Южного Вьетнама. Там тиморцев заставляли учить яванский язык и «уважать» новый порядок. В школах было запрещено преподавание местных языков. Стратегические деревни разрушили традиционный образ жизни тиморцев, оккупанты фактически ликвидировали местную промышленность, и теперь даже медикаменты и продовольствие должны были поставляться. на остров из Индонезии.

«МЫ С ПОНИМАНИЕМ ОТНОСИМСЯ К ПОЗИЦИИ ИНДОНЕЗИИ...»

С самого начала Восточный Тимор был окружен стеной молчания в западной прессе. Главной причиной этого были стратегические интересы Соединенных Штатов и Австралии в этом регионе. О готовящейся агрессии было известно заранее, ведь приграничные столкновения продолжались на протяжении нескольких месяцев, а австралийская военная разведка располагала данными о передвижении индонезийских войск даже раньше, чем об этом узнавали в индонезийском генштабе. Но даже когда в октябре 1975 года при захвате города Балибо индонезийцы убили пятерых репортеров, среди которых были и австралийцы, со стороны Австралии не последовало никаких протестов. Более того, австралийское правительство вскоре перекрыло единственный радиоканал, связывавший Восточный Тимор с внешним миром, закрыв радиостанцию в Дарвине. Неоднократные попытки австралийских активистов восстановить радиосообщение пресекались. В 1978 году Австралия стала единственной страной, de jure признавшей оккупацию Восточного Тимора Индонезией.

Роль Соединенных Штатов в этой трагедии была еще более позорной. Достаточно сказать, что широкомасштабное вторжение было изначально запланировано на начало декабря, но по просьбе американской администрации было перенесено на несколько дней. Президент Джеральд Форд и госсекретарь Генри Киссинджер посетили Джакарту с дружественным визитом. На обратном пути, всего несколько часов спустя после начала агрессии, Генри Киссинджер заявил журналистам, что «Соединенные Штаты с пониманием относятся к позиции Индонезии».

Но и для откровенно пособнической позиции нашлись серьезные и вполне прагматичные «оправдания». Дело в том, что Сухарто — старый союзник США, регулярно поддерживавший все непопулярные шаги Вашингтона, в том числе войну в Индокитае, он был крупнейшим потребителем американского оружия в регионе. К тому же к северу и югу от Тимора находятся глубоководные проливы, Ветар и Омбаи, которые использовались Соединенными Штатами для переброски атомных подводных лодок из Тихого в Индийский океан. С началом процесса деколонизации появлялась гипотетическая угроза того, что независимый Восточный Тимор может «помешать» планам США. В любом случае, США, как и Австралия, были заинтересованы в хороших отношениях с Индонезией и потому предпочли воздержаться от нравоучений и лекций о правах человека.

Официально США вместе с другими странами голосовали за резолюции ООН, осуждающие оккупацию Восточного Тимора. Конгресс даже принял решение о приостановке военной помощи Индонезии, но об этом «секретном решении» индонезийская сторона даже не была информирована, а военное ведомство США продолжало привычную линию. В результате военная помощь Индонезии не только не прекратилась, но поставки были увеличены, несмотря на все решения Конгресса.

США сыграли решающую роль в процессе нейтрализации ООН как возможного участника разрешения тиморского конфликта. Не так давно Дэниэл Мойнихэн, бывший в 1975 году представителем США в ООН, откровенно признал в своих мемуарах, что «Соединенные Штаты хотели, чтобы все случилось именно так, как это случилось, и приложили немало усилий, чтобы добиться этого. Госдепартамент хотел, чтобы все меры, предпринимаемые ООН, оказались неэффективными. Эта задача была поручена мне, и я успешно с ней справился». (Цитата по книге Ноама Чомски «Deterring Democracy», Лондон, 1992.) Репортажи, публикуемые в американских газетах, списывали все жертвы на якобы «продолжающуюся в Восточном Тиморе гражданскую войну» между УДТ и ФРЕТИЛИН. Роль индонезийской армии, на 90 процентов вооруженной американским оружием, была исключительно «миротворческой».

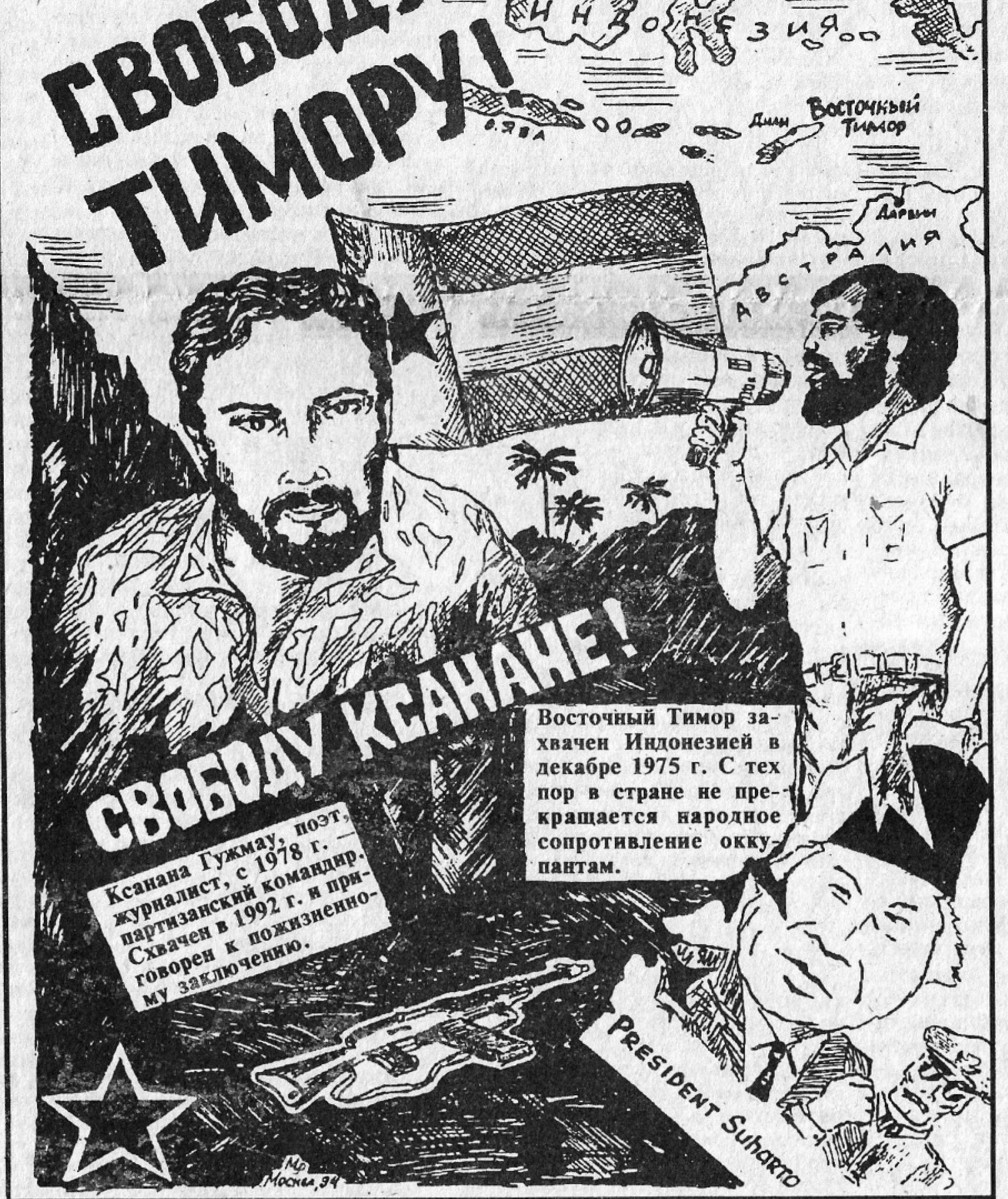
НАРУШИТЬ ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ

Но даже несмотря на абсолютную изоляцию, непрекращающиеся репрессии и карательные операции, народ Восточного Тимора продолжал сопротивляться. К середине 1979 года разрозненные партизанские отряды восстановили связь между собой, а в июне 1980 года с нападения на телецентр в Дили начался новый этап вооруженной борьбы. Теперь ее возглавил Кай Рала Ксанана Гужмау, получивший известность как поэт и журналист. Важными центрами сопротивления стали города. Работавшие в городах подпольщики переправляли партизанам продовольствие, медикаменты и зарубежные новости, позволявшие им достаточно хорошо ориентироваться в международном положении. В 1989 году в глубоком подполье был создан Национальный Совет Мауберского Сопротивления, объединивший все освободительные силы (ФРЕТИЛИН, УДТ, ФАЛАНТИЛ, профсоюзные и студенческие организации). Лозунгом тиморского сопротивления стали слова Ксананы «Сопротивляться — значит победить». Тиморцы понимали, что они не могут рассчитывать на военную победу, но, тем не менее, не опускали рук и продолжали использовать всякую возможность для привлечения внимания международной общественности (благо, с некоторого времени Сухарто, считавший, что сопротивление подавлено, открыл остров для иностранцев). Впрочем, даже присутствие иностранных журналистов и представителей ООН не останавливало индонезийских военных. Так, в ноябре 1991 года они расстреляли мирную траурную демонстрацию в Дили, убив при этом около 200 человек. Даже вмешательство американских журналистов Эми Гудмен и Алана Найрна, которые встали между солдатами и демонстрантами, надеясь предотвратить расправу, не смогло предотвратить крово-пролитие. Бойня в Дили — фактически первое из всех преступлений, совершенных индонезийским режимом за годы оккупации, которое стало широко известно во всем мире.

Какие бы преступления ни совершались индонезийским режимом, это никак не влияло на позицию сильных мира сего. Австралия в нарушение всех норм международного права заключила с Индонезией соглашение о добыче нефти и газа в Восточном Тиморе. Даже бойня в Дили не остановила подписание контракта. Как справедливо заметил приговоренный к 20-ти годам заключения повстанческий лидер Ксанана (он был арестован в 1992 году), нефть была тем, что похоронило Тимор в перипетиях экономических отношений иностранных государств. (Португалия, формально по-прежнему владеющая Восточным Тимором, подала на Австралию в Международный суд, но Индонезия этого суда вообще не признает.)

13 ноября 1994 года в городе Богор на острове Ява состоялась встреча глав государств Тихоокеанского бассейна, в том числе Японии и США. Время проведения встречи совпало с очередной годовщиной побоища в Дили. На протяжении нескольких дней Дили был охвачен массовыми беспорядками. По меньшей мере пятеро демонстрантов были убиты полицией. В то же время в Джакарте студенты планировали акцию протеста. Более ста студентов-тиморцев из нескольких университетов при поддержке индонезийских студенческих и правозащит-

продолжение на стр.7

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

ТАЙНЫ СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ

Макаренко Любовь Макаровна, 1945 г.р., топограф, член ДС. *На архипелаге Северная Земля она обнаружила сотни непробуренных скважин, которые по документам значатся как пробуренные (с официальным выводом — золота нет).*

Беседу с ней ведут корреспонденты «Свободного слова» Александр Мусихин и Дмитрий Стариков.

Л.М.: Еще в школьные годы я стремилась к путешествиям, меня влекла романтика. Я выбрала профессию картографа и геодезиста. С 1967 года попала в Сибирь, обслуживала в основном геологоразведочные работы, поиски драгоценных металлов. В 1982 году добралась до Арктики, попала на архипелаг Северная Земля. Очень увлеклась работой, необычной природой. «Северная морская геология» была не просто производственной организацией, она, скорее, была более связана с наукой.

И вот с чем я столкнулась. Один геолог обнаружил, что на полуострове Таймыр некачественно проводились геологические работы. Этот вывод он сделал на основании исследований, которые он проводил на свои деньги во время отпусков.

А.М.: Можете назвать фамилию?

Л.М.: Слесаренко Владимир Петрович. Он провел анализ своих образцов и пытался доказать, что геологические образования на Таймыре — вулканического происхождения. Тем не менее люди, ранее защитившие там кандидатские и докторские диссертации, даже не хотели вникать в то, о чем он говорил. Его просто сразу лишили допуска к специальным материалам, забрали все его полевые исследования, дневники и посадили в комнату, где технички держали свои швабры.

Д.С.: Где это было, в каком пункте?

Л.М.: Это город Норильск, Центральная Арктическая геологоразведочная экспедиция. И только я, единственная из всей экспедиции, восстала против этого. Пошла сначала к комсомольцам. Там в основном молодежь работала. Они говорят: «Ну что мы можем? Мы ничего не можем». Пошла в партком: «Как так может быть, куда вы посадили специалиста, это просто открытое издевательство над человеком!». В итоге этот человек вынужден был уволиться, уехать из Норильска и уйти из геологии, потому как первый отдел лишил его допуска раз и навсегда. Где он сейчас и чем занимается, не знаю. Меня больше всего потрясло отношение специалистов, которые, не вникая, не разбираясь, стерли человека в порошок. Я просто в это не могла поверить.

И вдруг у нас заговорили о какой-то перестройке. Если до перестройки я еще хоть какой-то порядок видела, то с ее началом вдруг все стало разваливаться. Руководство как бы самоустранилось. Экспедиционные отряды сидели буквально голодая в ожидании рейса, в то время как руководство занималось отдыхом, рыбалкой, всем, чем угодно, на спецрейсе.

Для руководителей была полная свобода. И, на мой взгляд, именно руководство спровоцировало ту ситуацию, когда геологоразведочный отряд в течение двух лет вообще не бурил геологических скважин, выдавая вымышленные материалы за действительные.

А.М.: Создавались несуществующие объемы работ, да?

Л.М.: Да, и таким образом хоронились, возможно, крупные месторождения. На участке, где ни одна геологическая скважина не бурилась, прямо на поверхность выходят рудные золотые жилы. Как топограф я их оценить не могу, но ими, видимо, не зря заинтересовались сотрудники Севморгеологии в лице очень опытных геологов Гавриша и Кузьмина. Как они проводили исследования — легально или нелегально — мне не известно. Они брали пробы и увозили их в Ленинград, минуя нашу экспедицию. Значит, что-то там они находили. С 1991 года я обнаружила сотни непробуренных скважин на десятках тысяч квадратных метров.

А.М.: Вы хотите сказать, фиктивных скважин?

Л.М.: В этот период на острове в одном «загадочном» месте (оно давно уже геологами названо «Загадкой») проводили свой отпуск представители руководства Севморгеологии из Ленинграда, а также моей экспедиции — Центральной Арктической геологоразведочной. Их это совершенно не интересовало.

А.М.: Фамилии можно назвать?

Л.М.: Пожалуйста. Это руководитель экспедиции Шатко Владимир Афанасьевич, главный инженер экспедиции Лукин Сергей Андреевич. И председатель профкома экспедиции Сальников Вячеслав Андреевич, опытный геолог с большим стажем. В то же время там находились два представителя науки из Московского геологоразведочного института ЦНИГРИ, профессор геологии Куторгин Владимир Ильич и его сотрудник Джабадзе Валерий Алексеевич. Они много лет занимаются методикой поисков драгоценных металлов по Востоку и Северу. Мое сообщение никого не насторожило и не привлекло чьего-либо внимания, за исключением представителей науки. Мои непосредственные руководители даже не пожелали взглянуть на участок, о котором я им говорила и от которого они находились буквально в часе езды (10 км). Надо было потратить всего час времени, чтобы сразу убедиться в совершенном преступлении, принять соответствующие меры и должным образом провести работу на этом интересном участке, где золото проступает на поверхность. Представители науки приехали туда, посмотрели, что-то записали, но, как оказалось впоследствии, никому ничего в официальной форме не доложили. В экспедиции они все передали на словах и подтвердили руководству, что, дескать, Макаренко не лжет, скважины не бурены. И больше ничего сделано не было. Упоминания в отчетах об этом не было также.

Геолкому — высшей инстанции для Центральной Арктической экспедиции — это было доложено уже после того, как я проводила сухую голодовку. Тогда я за свой счет трезвонила в Москву, требовала подтвердить, что я не лгу, чтобы мне не дали умереть, не упрятали в психлечебницу. Меня тогда уже окружали психиатры, пытаясь доказать, что я ненормальная, на людей наговариваю, несмотря на то, что за десять лет работы в экспедиции имела несколько грамот, вплоть до грамоты от ЦК КПСС, подписанной Горбачевым.

А.М.: Вы можете рассказать про того главного геолога, который шутя намыл там чего-то?

Л.М.: «Загадка» — объект на острове очень интересный, насколько я могу судить как топограф, я ведь не геолог. Почему-то этот объект обходили буровыми работами, там не поставлен ни один шурф, не пробурена ни одна скважина. Это небольшой участок в виде петли в каньоне, и все работы его почему-то миновали, геологи проходили там только с лоточками. В 1990 году, в частности, главный геолог нашего подразделения провел там два дня. Он получил богатый результат. Это были чистые самородки драгоценного желтого металла. Но насколько все тогда было засекречено: мы не имели права называть драгоценный металл своим именем — серебро, золото или платина... Много лет я проработала с Енисейзолотом и в руках держала самородки. И здесь это было именно золото.

Но в 1991 году этого геолога на остров почему-то не допустили, его отправили на весь полевой сезон в отпуск в Ленинград. Руководители моей экспедиции сами приехали в эту «Загадку» проводить там свой отпуск. Что они там делали, сколько они там намыли, не знаю. Я была занята своими работами.

Д.С.: На каком острове все это происходило?

Л.М.: На острове Большевик — самом южном в архипелаге Северная Земля.

Я очень люблю работу, работу и больше ничего. У меня нет высшего образования, я просто — топограф. Я могла ночевать на работе, чтобы она была сделана вовремя. И того же старалась добиваться и от своих коллег, чтобы за работу не стыдно было.

Но вот пришла «перестройка». Мне стали все заявлять, что кончилось уже время энтузиазма, сейчас главное — сколько нам заплатят. Особенно это настроение стало проявляться у молодежи. И вот доперестраивались, не пробурили скважины. Я бьюсь, бьюсь, а окружающие меня молодые геологи, все с высшим образованием, заявляют мне: «Что вы, Любовь Макаровна, хотите, чтобы ЦАГРЭ разогнали? А мы куда пойдем?». «Но, — говорила я, — разве можно делать ложные отчеты?» Не может же быть, чтобы все были нечестными людьми!

Сижу я сутки, двое суток, неделю, 10 суток в родном профкоме, а все выжидают, до чего досидится Макаренко, объявившая сухую голодовку. Я требовала не просто расследовать случай с непробуренными скважинами, но и спросить с начальства, чем оно занималось на о.Большевик летом 1991 года. А чем оно занимается теперь? Говорят, собирается продавать участки на Северной Земле каким-то инофирмам. Правда, у меня точных сведений нет (я уже давно в больнице). Бог знает, что сейчас там творится.

В результате продолжительных сухих голодовок я сильно подорвала свое здоровье, и норильские горняцкие профсоюзы привезли меня в Москву на лечение, устроили в больницу. Но и здесь я не забываю о североземельских непробуренных скважинах, дозваниваясь до Госкомнедра. Норильской городской прокуратурой уже возбуждено уголовное дело по статье 93 против Самойлова Александра Геннадиевича. Он настойчиво пытался скрыть факт небурения скважин. Но мое начальство остается безнаказанным. Они, эти люди, готовы были скрывать свои преступления даже ценой моей жизни, они согласны были, чтобы я умерла в своем родном профкоме.

Но кое-чего я все-таки добилась — Норильская прокуратура была вынуждена возбудить уголовное дело под давлением общественности. На мою сторону встали газета «Заполярная правда», депутат Верховного Совета Скринченко Валерия Викторовна, профсоюз норильских горняков. Но Верховный Совет был разогнан, и на сегодняшний день никто из представителей власти мной не интересуется. Никто не интересовался, как я себя чувствую, жива ли я еще. А ведь я — единственная женщина-топограф в Арктике, один этот факт как мне казалось, не мог пройти незамеченным.

Д.С.: С какого времени у вас последняя информация о Северной Земле?

Л.М.: Находясь в Норильске в июне месяце, я знала, что там ведут добычу Норильский горнометаллургический комбинат и концерн «Норильскникель». Со слов замдиректора этого концерна я знала, что туда отправлена мощная техника — более чем полтора десятка японских бульдозеров. Там идет добыча. Да, идет добыча открытым способом.

Я считаю, что ответственность за всю эту историю несет прежде всего руководство экспедиции, в частности, главный геолог Самойлов. Мои устные и письменные заявления о факте преступления были подтверждены, как я уже указывала выше, двумя опытными геологами из ЦНИГРИ, профессором Куторгиным и его сотрудником Джабадзе. Тем не менее главным геологом делается все, чтобы скрыть это преступление. Остался на своем месте тот геолог-техник, который, не пробурив скважин, выдал их за пробуренные. На рабочем месте мне были созданы невыносимые условия, дабы я уволилась, умерла после голодовки или сошла бы с ума, для этого делалось все.

Видимо, перестройка все-таки сыграла свою положительную роль, потому что меня не упрятали в итоге в психлечебницу, хотя такие попытки неоднократно предпринимались. В частности, главой администрации г.Норильска Ткачуном Василием Федоровичем. С февраля 1992 года, когда я повела борьбу с руководством, мне заморозили зарплату. Но это все второстепенно, главное, что я в конечном итоге доказала свою правоту.

Но именно в тот самый момент, когда прокуратура возбудила уголовное дело против Самойлова, он был назначен Геолкомом России на очень высокий пост. Теперь он возглавляет геологию не просто маленькой организации, а всего Таймыра, включая и Северную Землю. Он имеет доступ ко всем богатствам полуострова. Под его руководством оценивают и продают земли, в том числе, по слухам, и иностранным фирмам. Но точно я не знаю.

На Северной Земле идет добыча, о которой почему-то не знают в Госкомнедра (бывшем Геолкоме). Добыча эта ведется концерном «Норильский никель». Все это возглавляют те же партийные работники. Идет, в общем, беспредел.

Д.С.: Было ли такое, чтобы американские подводные лодки или самолеты находились в районе острова, кто-то высаживался, наблюдал?

Л.М.: Слухи ходили, что в районе мыса Челюскина всплывала американская подводная лодка.

Я сейчас нахожусь в больнице в Москве, звоню в Госкомнедра, пытаюсь это дело как-то продвинуть. Никто, конечно, ко мне ни разу не приезжал, хотя это очень легко сделать. Видимо, нет заинтересованных лиц, чтобы навести порядок на Северной Земле. А теперь, по-видимому, надо наводить его на всем Таймыре. Я имею в виду не только золото, там и драгоценные породы рыб, и охота. Все это совершенно безнадзорно. За государственные средства под видом геологических работ выезжают на Таймыр на «отдых» высокопоставленные лица.

Еще в 1991 году в период моей первой 10-суточной сухой голодовки в Норильск приехал замминистра геологии России г. Яцкевич. Конечно, не по моему вопросу. Но тем не менее о моей голодовке ему стало известно. Он уверял меня по телефону, что буквально сейчас же все проверит, чтобы я не погибла голодной смертью из-за кучки мошенников. Это его собственные слова. Но, пробыв в Норильске несколько дней, он явился наконец в профком, где я продолжала свою сухую голодовку (это были 8-е сутки), и единственное, что он мне сказал, было следующее: «Пока я в Геолкоме России, ни один волос ни с чьей руководящей головы ЦАГРЭ не упадет, даже если вы превратитесь в мумию. Это ваше личное дело». С этим он и убыл, не взяв у меня никаких материалов.

Я, наверное, действительно превратилась бы в мумию или сидела бы в психлечебнице гор. Норильска или еще где-нибудь, если бы не норильские профсоюзы и общественность.

Я была очень крепкая и здоровая. И вот буквально в течение года упорной борьбы со своим начальством я превратилась в инвалида, нетрудоспособную.

А.М.: А от Органов вы получали какие-либо угрозы?

Л.М.: Видя такую непробиваемую стену, я даже понадеялась на помощь куратора норильского КГБ.

А.М.: Какое имел отношение к вам этот куратор?

Л.М.: Он имел отношение по первому отделу, по спецматериалам, по драгметаллам. Мы все давали ему подписку, а он всех нас контролировал.

Д.С.: В каком он был звании?

Л.М.: Я думаю, не ниже майора. Его фамилия Масленников, Виталий Герасимович. Так вот, при встрече с ним (это было не в помещении, а на улице) мне было сказано, что если я хочу быть жива, то я должна отступиться от своей Северной Земли, потому как КГБ не имеет возможности предоставить мне личную охрану. Я поблагодарила его за такое беспокойство и продолжала заниматься своей Северной Землей. По телефону я обратилась к начальнику КГБ Норильска. Ведь вроде бы КГБ перестроился, и название у него поменялось, и начальник новый назначен. Анатолий Алексеевич очень вежливо поговорил со мной несколько минут. Да, говорит, есть у него такая информация, но он не уверен в ее точности. Вот если бы я как топограф доказала ему, что там действительно скрывается крупное месторождение или утаивается незаконная добыча драгоценных металлов, да еще если бы я могла жменю золота показать, добытую нелегально руководителями ЦАГРЭ, то он, этот новый начальник КГБ, бросил бы все силы и расследовал бы это дело. Но, есть у него и другая информация, мол, дело там нестоящее. В общем, говорит, не до этого ему, мафию ловить надо.

Со стороны прокуратуры были тоже интересные действия. Главный прокурор гор. Норильска — бывший маркшейдер, и уж кому, как не ему, было бы очень легко разобраться в этой истории. Я буквально вынудила его возбудить уголовное дело, добившись проверки комиссией моего заявления. Он же официально прислал мне бумагу, что всякие расследования прекращены за отсутствием состава преступления.

Единственную реальную поддержку мне оказали независимые профсоюзы горняков, хотя я в них не состою. А от старых профсоюзов, которые были у нас до перестройки, никакой помощи не было.

Мне также помогала газета «Заполярная правда» в лице журналиста Домникова Игоря Александровича. Несмотря на угрозы, которым он подвергался, в этой газете было не менее десяти публикаций о моем деле.

Больше всего меня огорчает то, что слишком много людей, считающих себя интеллигенцией (по крайней мере у них есть высшее образование, у меня — нет), совершенно равнодушны к моей борьбе. Почему-то не находится никого из них, кто бы рядом со мной сказал: «Да она же права!» Или: «Давайте проверим, права ли она?» Как же так?

Материал подготовлен для печати А. Мусихиным

ВАШЕ СЛОВО

ТАНКИСТЫ НЕ БЫЛИ УБИТЫ

Прочла статью Старикова «Августябрь», в значительной степени касавшуюся событий августа 1991 года. («Свободное слово» N 5). Впечатление осталось тягостное из-за грубых неточностей и передергиваний.

1. Экипаж сгоревшей БМП остался жив; этому есть свидетели. Эти танкисты тушили потом свою горящую машину. Откуда г. Стариков взял, что танкисты погибли? Этого не говорят даже на анпиловских митингах; если бы такое действительно случилось, то коммунисты об этом кричали бы на каждом своем митинге.

Из статьи и последующего разговора с г. Стариковым следовало, что «мирные танки патрулировали город, а может, уходили из него, а пьяные хулиганы на них напали». Но мирные танки не ходят по Москве, а стоят в своем военном городке; желательно — в ангаре и с выключенным мотором. И как можно порочить людей, которые встали против танка, этой железной громадины, не имея ничего, кроме бутылки бензина, чтобы защитить свою хотя бы относительную свободу, защитить страну от возврата к сталинизму. Г. Стариков голословно заявляет, что трое погибших парней были пьяными. Где акты экспертизы, которая обнаружила у них алкоголь? Я уверена, что он этих актов не видел. В лучшем случае видел какую-нибудь фальшивку на коммунистическом митинге или в газете «День». Да если и выпил кто-то из них полстакана водки для храбрости, готовясь умирать, большой ли это грех? И не г. Старикову определять, насколько они небезгрешны.

Есть в статье еще ошибка, связанная с трактовкой позиции генерала Лебедя. Да будет известно г.Старикову, что Лебедь приходил в Белый дом предупредить о возможном штурме. Потом он явился к Язову и заявил, что не будет участвовать в штурме Белого дома, т.к. там собралось много людей и будет много жертв, чем вызвал дикую истерику и крики в свой адрес и в адрес своего начальника Громова.

Не знаю, хотел того Стариков или нет, но статья у него получилась такая, что ее с удовольствием напечатали бы в газете «Завтра». Хотелось бы посоветовать редактору и редколлегии «Свободного слова» внимательнее относиться к подбору материалов для газеты Демократического Союза.

В.Рябкова, член ДС.

Реплика. Не касаясь фактической стороны вопроса, хотелось бы отметить, что мне не близок дух данной заметки. Сожалея о погибших 21 августа 1991 года, я, тем не менее, не считаю для себя возможным поддерживать защитников Белого дома. События этой трагической ночи являются следствием выяснения отношений между группировками правящей бюрократии. Более чем трехлетнее правление победителей («демократов») подтверждает тот факт, что эти люди не менее «далеки от народа», чем Язов и Янаев. Просто у них иные цели и задачи.

М.Магид, член ДС

РАССМОТРЕЛИ...

ТЕЛЕГРАММА. Москва, Кремль, Борису Ельцину.

Решительно протестуем против вмешательства российских войск в конфликт в Чечне.

Члены Демократического Союза: Анастасия Дроздова, Дмитрий Стариков, Валерия Любимцева, Павел Люзаков. 30 ноября 1994 г.

Ответ не замедлил последовать:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ (письмо). Москва, ...Любимцевой В.Г. (коллективное).

Сообщаем, что ваше обращение, поступившее на имя Президента Российской Федерации, находится на рассмотрении в Совете Безопасности РФ Администрации Президента РФ.

Маслов А.И., Администрация Президента Российской Федерации. Отдел писем и приема граждан.

2 декабря 1994 г.

Видимо, рассмотрев телеграмму, Совет Безопасности решил... активизировать боевые действия в Чечне.

Я теперь не грущу, кулаки не сжимаю от злости,
Не мечтаю, не жду, надоели иллюзии мне.
По ночам в небесах собираю туманные гроздья
И в стремительных снах рассыпаю по талой земле.

Ни сума, ни тюрьма не отнимут нисколько свободы,
Ни друзья, ни враги ничего не изменят ни в чем,
Каждый сам по себе проживет одинокие годы,
Каждый сам за себя отвечает перед Высшим судом.

16.6.88

Кирилл Подрабинек:

«ТО ЛИ ВРЕМЯ ТАКОЕ, ТО ЛИ МЫ ТАКОВЫ»

Прогноз погоды

Еще повторится не раз
У нас ледникиый период,
Даруют какой-то указ
И снова чего-то отнимут.

Потом парниковый эффект
И теплые воды Гольфстрима
Отменят высокое «нет»,
Но воды проносятся мимо.

Упрямый ребенок не спит,
Кричит в колыбели, родимый,
И снова берет троглодит
Свою боевую дубину.

6.2.89

* * *

То ли время такое,
то ли мы таковы,
Мокнет черное поле
И лоскутья травы.

В душу серой заботой
Наползает туман.
Не промчится охота
По весенним полям!

Что томленье по воле,
Если нет головы!
То ли время такое,
То ли мы таковы.

8.9.93

Страна театральная

Трагедия и фарс переплелись,
Актеры позабыли роли,
Случайности, пустой каприз —
И потекут потоки крови.

У зрителей вскружилась голова,
Шутам — и позабыли цену!
За дело приняли слова,
Кидают реплики на сцену.

Решившие, что час настал,
Мечтавшие об этом годы
Не видят: слишком тесен зал.
Солдаты заняли проходы.

А там, в подвальном этаже,
Страдают узники без меры,
Их зритель позабыл уже,
В ладоши хлопая премьере.

22.6.87

* * *

В России высокая честь —
От власти гоненья и кара,
И пайку тюремную есть,
И сном забываться на нарах.

Пускай приготовили крест
Бушлат деревянный навырост.
Не бойся — и боров не съест,
Надейся — Всевышний не выдаст.

1988

ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ ГЕРШУНИ

Он ушел от нас так же стремительно, как жил, острый лейкоз унес его в течение недели, и библейское лицо его стало странно неподвижным.

В те времена (70-е годы) я свои наезды в Москву неизменно начинал с посещения Каплушки (Иры Каплун). Она-то меня и познакомила с Володей.

— Гершуни... Постойте, не родственник ли вы известного террориста?

— Я его племянник, — ответил он тоном, закрывающим тему. Владимир не любил говорить о себе и, когда мы сблизились, лишь поделился воспоминаниями об экибастузском лагере, в который попал девятнадцатилетним юношей, о Солженицыне и многом другом. Вовсе не был молчуном, просто его мало интересовало прошлое, за глаза хватало настоящего. Говорил страстно, вкладывая душу в слова, рассекая воздух ребром ладони. Я понимал, что малейшее пренебрежение к его словам охладило бы отношения, даже привело бы к разрыву, и благоразумно поддакивал кивками головы. Он часто возвращался к одной своей романтической истории, и однажды, вздрогнув, я поймал себя на том, что засыпаю. Проснулся от наступившей тишины и увидел, что Володя спит, уронив голову над креслом. Он проснулся от моего подавленного зевка и продолжал рассказ с того места, на котором прервал его.

Феноменальная память, обширные знания и любовь к литературе позволяли ему прогуливаться по ее просторам, как по собственным владениям. Не задумываясь, он углублялся в дебри, мимолетная мысль уводила в сторону, он перепрыгивал на новую тропу, петли накладывались друг на друга. И, следя за их ходом, я спрашивал себя, сумеет ли он благополучно вырваться из чащи, в которую себя загнал. Неизменно выбирался, причем точно в обратном направлении. По-видимому, природной способности помогала тренировка в парадоксальном искусстве перевертышей. Тут он был мастером высочайшего класса, в СССР вне конкуренции. Он публиковал свои палиндромы в газетах под псевдонимами, они украшали потом самиздатовский журнал «Поиски», в редакцию которого мы одновременно вошли, он — открытым, я — закрытым редактоoами. Както я спросил Володю: не жаль ему времени и труда, потраченных на экзотику, когда он мог бы создать серьезные, общественно значимые произведения? Он ответил, что в психушке без бумаги, карандаша и книг, в постоянном настороженном ожидании беды работа мозга над перевертышами спасала его от неминуемого сумасшествия.

Не помню, когда он обзавелся бородой. Она ему шла, усиливала впечатление мужественности, но, видимо, не до степени, позволяющей считать себя достойным женской любви. С представительницами прекрасного пола он остался стеснительным и робким. Зато в мужской среде был как рыба в воде. Каким-то шестым или седьмым чувством угадывал, например, актуальных и потенциальных предателей. Всеволода Кувакина, например, задолго до его разоблачения. А вместе с тем бывал поразительно слеп и дружил с поганцами. Впрочем, была категория людей, к которой Володя относился с постоянством, — гэбэшники. Органы признавали его непоколебимым врагом.

Обычно они пытались запугать правозащитника, соблазнить, нащупать чувствительные точки психики, по которым можно бить. С Володей эти игры были бесполезны, его просто в очередной раз бросали в психушку. Выйдя, он наверстывал потерянное время повышенной активностью. Мы вместе поработали в СМОТе, в «Поисках», московской секции «Международной амнистии».

Знаю, что деятельность его охватывала большую сферу, были области ее, о которых у меня лишь смутные представления, потому не могу их комментировать.

Последнюю отсидку он отбывал в Казахстане, в Талгаре, всесоюзном психоотстойнике, куда заточали до конца дней безнадежных больных и неусмиряемых врагов режима. Я получил деньги на дорогу из фонда Солженицына и двинулся в путь с сестрой Володи Розой. Приезжаем в Барнаул, узнаем, что он в тюрьме. Требуем свидания, обещают предоставить. А ночью переправляют Володю в Талгар. Свидание предоставляется только близким родственникам. Называюсь единоутробным братом Володи, общая мать, разные отцы, что объясняет различие фамилий. Недоказуемо, но и не опровергаемо. Могло пройти. С возрастом евреи все более схожи. И хотя был выходной и, по правилам, следовало день переждать, свидание состоялось. Свидание дали потому, что ничего худого о Талгаре в первый день отсидки Володя не мог сказать. И это уже много значило для властей.

Перестройка разобщила былое диссидентство, мы редко встречались с Володей, но ухитрились поссориться на идеологической почве. Он считал, что защищает демократию от ГКЧП на баррикаде у Белого дома. Я полагал, что там разыгрывался грандиозный фарс с целью упрочения новых позиций властей. Он был оскорблен и упрекнул меня в цинизме. Я счел его соображения глупыми и рассердился. Больше мы не виделись.

Похороны собрали всю диссидентскую Москву, людей, не встречавшихся годами, многочисленных его друзей, приятелей, знакомых и незнакомых. Недоставало только Владимира Львовича Гершуни с его портфелем и рассованными по карманам бумагами.

Пинхос Подрабинек

От редакции. Предлагаем вниманию читателей несколько палиндромов Владимира Гершуни.

Ее
дивен мне вид!
У дива на виду
я утеснен сетуя.
И лоб томим от боли...
Зло переполз...
Яро в тиши творя...
Меня истина манит сияньем.

Миру душу дурим!
Мишуру рушим!
Отчины ничто!
Мир обуян — гори! Пир огня — убор им!

Ад — жажда!
Ад — еда!
Туда мира цари падут.

Ксанана — вождь мауберов

окончание, начало см. на стр.5

ных организаций организовали символический «захват» американского посольства. Двадцати девяти из них удалось перемахнуть через ограду посольства и расположиться на автостоянке. Они потребовали освобождения Ксананы и встречи с президентом США Клинтоном и госсекретарем Кристофером. Оба государственных мужа отказались от встречи со студентами. «Это действительно вопрос, но не первостепенной важности», — заявил Клинтон. Позже он поднял вопрос о правах человека в Восточном Тиморе в беседе с генералом Сухарто. Естественно, последний предпочел перевести разговор на другую тему, чему Клинтон не очень-то и противился. Студентам от имени американцев были даны гарантии безопасности, и через несколько дней они покинули территорию посольства. Их дальнейшая судьба неизвестна, так же как и судьба более сорока других участников акции, арестованных индонезийской полицией (на 16 ноября около 230 тиморских студентов попрежнему находились под арестом).

Как и их предшественники по движению сопротивления, студенты, организовавшие эту нашумевшую акцию, понимали, что, только привлекая внимание международной общественности, можно добиться каких-либо подвижек в решении проблемы Восточного Тимора. И своей акцией им удалось добиться не только репортажей по телевидению и в газетах, но и нечто большего. Конечно, сегодня Сухарто говорит лишь об автономии и пытается создать видимость «переговоров с представителями Восточного Тимора» (в последнюю категорию входят лишь некие марионеточные организации). В то же время есть и другой прецедент — не так давно представители ФРЕТИЛИН, УДТ и католической церкви встретились в США с официальными представителями Индонезии. Таким ооразом, с помощью международного давления можно чего-то добиться — об этом должны помнить все, кому дороги свобода и права человека и кто может внести свой скромный, но от этого не менее ценный вклад в борьбу против незаконной оккупации маленького острова на другом краю Земли.

Михаил Цовма

НА ПОСЛЕДНЕЙ ПОЛОСЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ПРИЗЫВНИКАМ

Всем вам — привет и глубокие соболезнования! Близок тот день, когда на каждого из вас попытаются надеть хомут рекрутской службы. А пока что орава державных холуев, живущих за счет вас и ваших предков, продолжает вам твердить о «священном долге», о «почетной обязанности», о «доблестном ратном труде» и прочей демагогической бредятине. Вас пытаются убедить в том, что именно вы задолжали что-то этой ораве, именно вы ей обязаны, а не наоборот. Вам говорят, что ваш «ратный труд» нужен Родине, но почему-то забывают добавить, что под «Родиной» они подразумевают свои теплые кресла и огромные оклады, свои глубокие корыта, из которых они спешат нахрюкаться на всю оставшуюся жизнь, свои черные «Волги», белые «Мерседесы» и голубые унитазы, свои загородные дворцы, которые вам предстоит достраивать задарма...А если вы у них спросите что-нибудь насчет давно обещанного перехода к добровольно-профессиональной армии, то они вам популярно объяснят, что денег на ее содержание в государстве нет, и поэтому, мол, вам придется служить не за «пряник», а за «кнут». (То, что такой «кнут» ежегодно приводит к десяткам тысяч цинковых гробов, видимо, вообще их не «колышет»). Однако сами они почему-то предпочитают «пряники», причем — в таком количестве, что, как говорится, может и «морда треснуть» от чрезмерного удовольствия...

Как известно, любой принудительный труд (в том числе и «ратный») называется рабством, он категорически запрещен Всеобщей декларацией прав человека и даже российской конституцией (ст.37). Мы не хотим к чему-то вас призывать, но если вы сами решите послать подальше всю эту, мягко говоря, сволочь вместе со всеми «почетными обязанностями», то можете связаться с нами по тел. (073-2) 48-70-29 (Сергей Волк) или по контактному адресу: 394038 Воронеж, Пешестрелецкая, 127, кв.36, Воробьевскому Д. Может быть, вместе что-нибудь придумаем.

Воронежская организация Демократического Союза

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА О КРАСНОМ НОСЕ И ХАЗАРСКОМ ВОПРОСЕ

В не очень некотором царстве, в очень демократическом государстве жили-были Дед Муроз да Баба Снедурочка. Жили они в огромном дворце на берегу Москвы-реки. И служили им дурочки-рябы.

Жили не тужили, пряники жевали. Работал Дед Муроз царем. Он очень любил выпить хорошей заморской русской водки «Распутин» из Германии. Много-много. От этого нос у него был красный. Так и звали его в народе: Царь Муроз — Красный Нос.

Но вот случилась беда. Выпил Муроз как-то много водки и решил отмстить неразумным хазарам. А чтобы заморские государства особо не возникали против нарушения прав человека, приказал он своим опричникам действовать под видом хазарской оппозиции. А потом издал он декрет. И поехали танки делать свой последний бросок на юг.

ДЕКРЕТ О РАЗОРУЖЕНИИ НЕЗАКОННЫХ ХАЗАР

Исходя из того, что хазары совсем от рук отбились, дани не платят, законы и конституцию Царя Муроза не блюдут, повелеваю:

1. Считать всех хазар — неразумными, а моей доблестной армии — разоружить их. А тех хазар, что не желают разоружаться, считать хазарами незаконными.

2. Объявить всем, что наши войска законнее незаконных хазар и временно являются хазарской оппозицией.

3. Поручить командование сей гуманной операцией Бабе Снедурочке.

4. В целях блюдения конспирации и конституции объявить меня больным и положить в Хреническую Больницу для лечения моего красного носа от страшной болезни — «Форос в носу».

5. Доставить много-много хорошей водки в Хреническую Больницу для высочайшего употребления в качестве лекарства от вышеуказанной болезни.

Царь Муроз — Красный Нос

А неразумные хазары совсем не знали о том, что они незаконные. Они считали себя независимыми хазарами. Приехали к ним 60 танков от Деда Муроза, а они, не разобравшись, половину сожгли, а другую половину в плен взяли. И предложили решить это дело путем переговоров.

Обиделся Царь Муроз и приказал разбомбить хазар с воздуха, но тайно, чтоб никто не знал. А всем объявить, что на хазар напали инопланетяне. И летали над мирными хазарскими аулами неопознанные летающие объекты (НЛО), и кидали они черные бомбы на хижины хазар. Хазары сбили один такой НЛО. Оказалось, это не НЛО, а двуглавое мурло ССУ-27 из мурозовых ВВС. По телевизору показали пленных танкистов и пленных мурлистов.

Посмотрели дурочки-рябы на это и возмутились. Побежали на несанкционированный митинг. Но назвать Царя Муроза преступником не посмели, только Бабу Снедурочку позором заклеймили. Правда, одна смелая Дурочка Ряба после того, как она яблок объелась, предложила самому Мурозу в отставку уйти, но ее не послушали. Это потому, что в конституции написано, что Царь Муроз — Красный Нос есть наиголовнейший в стране демократ и гарант блюдения правов человеков. Помитинговали они, а на следующий день пошли на заводы работать, чтобы новые танки и двуглавые мурлы ССУ-27 изготовить для армии Царя Муроза взамен уничтоженных и плененных независимыми хазарами.

Баба Снедурочка отправилась лично командовать операцией. И пошли на неразумных хазар новые танки с трех сторон. Но хазары их в свой город не пустили. Обстреляли танки градом, частично отогнали, а частично затопили в своей речке во время переправы. Они взорвали плотину, и завязли танки в непроходимой грязи, когда вода схлынула. Очень независимыми эти хазары оказались.

Тогда решили Дед Муроз с Бабой Снедурочкой этих хазар просто уничтожить — всех до одного, а тех, что не уничтожатся, переселить в другие губернии. Несколько генералов воевать отказались и заявили, что на такой разбой даже они не способны и что Баба Снедурочка — просто дура. И в тактике, и в стратегии.

Начали мурозовы ВВС хазарские города и аулы бомбить. Если погода летная — бомбят. Если нелетная, то пытаются переговоры вести о разоружении незаконных хазар, а потом опять бомбят. Много домов жилых разбомбили. Это все потому, что каждый мирный дом — военный объект. Это нововведение в военную науку внесла Баба Снедурочка. А чтобы общественность не возмущалась, повелел Царь Муроз создать царский информационный центр массовой дезинформации общественности.

Тут и заморская общественность начала интересоваться, а не является ли это нарушением прав гуманоидов. Странным показалось — все журналисты говорят, что военные мирных граждан убивают, а царский дезинформцентр сообщает о точечных ударах по военным объектам. Сначала все заморские цари и президенты в один голос твердили, что хазарский вопрос — это очень внутреннее дело Царя Муроза. Но потом один заморский канцлер даже предложил ввести против Муроза экономические санкции — прекратить поставлять его любимую водку «Распутин». Но оказалось, жестокое подавление свободолюбивых независимых хазар есть не буйный набег, не геноцид, не массовые убийства, а превышение норм использования военной силы во внутренних прях. Заморские цари и президенты потребовали пропустить в хазарские города своих соглядатаев, но Муроз им написал ноту на нецензурном русском языке и отказал. Скандал международный получился.

А тут еще и Новый год наступает. Поехал Муроз сам на место разбираться, а заодно и хазар поздравить с Новым годом, с новым счастьем. Решил он им лично свинью подложить. Взял с собой мешок со снова годными подарками для хазар. Сел сам в танк и поехал штурмовать хазарский город. Но хазары пехоту от танков отсекли пулеметным огнем, и поехали танки без прикрытия ко дворцу хазарского кагана. Там из 250 танков половину опять подожгли. Тут Муроз экипажу своего танка стрелять приказал. А экипаж и говорит:

— У нашего танка пушка неисправна и башня не поворачивается.

Тут танк Муроза в плен и взяли. Схватили независимые хазары Муроза и привели на главную площадь. А Муроз им и говорит:

— Что вы меня хватаете? Я ваш царь!

— Мы люди вольные и независимые, знать тебя не хотим, у нас свой каган имеется! — отвечают хазары и спрашивают: — Это ты, Пьяная Бешеная Собака, наших мирных братьев убивал? Ты, проклятый Царь Муроз, наши дома разрушал? Ты все наши мирные заводы и нефтехранилища поджигал?

— Что вы, что вы, — отвечает Муроз, — это не я. Это дура Баба Снедурочка все придумала. Это она ни в тактике, ни в стратегии ни в зуб ногой! А я тут ни при чем. И вообще я не тот, за кого вы меня принимаете! Я ведь не Царь Муроз, а Дед Мороз — Красный Нос. Я подарки вам привез. Разве вы меня не узнаете? Вот и мешок при мне.

Решили хазары посмотреть, что в мешке. Только его начали развязывать, видят — там бомбы кассетные, мины шариковые и снаряды кумулятивные.

— Ах ты, гад, — сказали независимые хазары, — вот какие подарки ты нам привез! Мы тебя за это судить будем!

И осудили независимые хазары кровожадного Царя Муроза по статье за умышленные массовые убийства и за геноцид. И казнили его на главной площади как фашистского преступника. Посадили его на собственный мешок и взорвали. Даже мокрого места от кровожадного Царя Муроза не осталось.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Сказка — ложь, да в ней намек, буйным пьяницам — урок.

Бек Дурдыев

Кроссворд

По горизонтали

1. Старинное русское имя. 3.Героиня пьесы Ибсена «Пер Гюнт». 5.Американский писатель. 6.Цирковое слово, означающее команду. 8.Единица электрического сопротивления. 10.Бог огня и кузнечного дела в древнеримской мифологии. 11.Немецкий философ-неокантианец, представитель Марбургской школы. 15.Возможность применения в опыте априорного знания. 18.Свечение, возникающее под действием электрического поля. 23.Донесение начальству. 25.Полотенце. 27.Мера площади. 28.Струнный музыкальный инструмент. 29.Бог Солнца в Древнем Египте. 30.Латинское название серебра. 33.Одна из планет.

По вертикали

1. Специальный канат. 2. Старинная мера расстояния во Франции. 3. Количество лет тюремного заключения по приговору суда. 4. Главный парус на корабле. 5. Место парадов и строевой подготовки. 6. Положительный электрод. 7. Пушной зверь. 9. Единица количества вещества. 10. Популярный исполнитель эстрадных миниатюр. 12.Профессия святого Иосифа Обручника. 13. Переливчатый дрожащий звук. 14. Последователь одной из философских школ эпохи эллинизма. 16. Самая длинная река в мире. 17. Арабское имя. 19. В пареном виде очень простое. 20.Жилище кочевников. 21.Река в Московской области. 22.Плата за товар. 24.Род государственного объединения у тюркских народов. 26.Рубец на теле. 31.Порода антилоп. 32.Французский литературный критик XIX века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6(119)

По горизонтали

7.Морзе. 8.Орден. 11.Повар. 12. Радар. 13.Орион. 14.Копье. 16. Дудка. 19.Петарда. 22.Херне. 23. Роммель. 26.Перевал. 27.Барабан. 30.Пьяница. 32.Очередь. 33.Арбалет. 35.Кабачок. 38. Ярослав. 42.Сигнал. 43.Разведчик. 46.Цезарь. 47.Осадка. 48. Истина. 49.Цыган. 50.Нехао. 51. Штурман. 53.Рэкет. 56.Заряд. 60.Фрегат. 61.Стрела. 62.Пантограф. 64.Ореол. 65.Дятел. 66. Виспа. 68.Отель. 70.Сансеверина.

По вертикали

1.Моро. 2.Перехватчик. 3 Кордегардия. 4.Берк. 5.Порт. 6.Лавр. 9. Хром. 10.Море. 14.Каре. 15.Поле. 17.Дума. 18.Арка. 20.Егерь. 21. Амман. 24.Молва. 25.Ланге. 26. Пицца. 28.Нарва. 29.Крейсер. 31. Якобинец. 34.Ломброзо. 35.Кандагар. 36.Балкон. 37.Черпак. 39.Отклик. 40.Лоцман. 41.Вездеход. 44. «Закат». 45.Чесма. 52.Рапалло. 54. Корма. 55.Тога. 56.Заря. 57.Рельс. 58.Отранто. 60.Истерия. 62.Партизан. 63.Фрейлина. 67.Пост. 69. Торт.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
125414, Москва, ул. Онежская, д. 40 кв. 113.
Любимцевой Валерии Григорьевне.
☎&fax 150-45-73, ☎ 453-37-76,
E-mail: dsinfo@glas.apc.org
По поводу подписки обращайтесь по телефону и адресу редакции.

СВОБОДНОЕ СЛОВО

Зарегистрировано в Московской РИ по ЗСПиМИ (регистрационное свидетельство А-0352). Отпечатано в Мытищинской типографии с готовых оригинал-макетов. **Тираж 5000 экз.** Зак. 210